

А.А.Леонтьев, А.М.Шахнарович, В.И.Батов

Речь в криминалистике и судебной психологии

М. : Наука, гл. ред. Вост. лит., 1977. — 62 с. —
(Лингвистика — научно-техническому прогрессу).

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта брошюра представляет собой чуть ли не единственное монографическое исследование в области теории и практики применения методов психолингвистики в судебной психологии и криминалистике. Строгость исходных теоретических понятий и методов психолингвистики сочетается в ней с доступным самому широкому кругу читателей изложением материала. В этой небольшой по объему работе отражены практически все главные проблемы исследования речи в судебно-экспертной и судебно-следственной практике.

Хочется обратить внимание на тот факт, что авторы последовательно проводят мысль о целесообразности рассмотрения теоретической основы некоторых криминалистических методов исследования письма с единых для литературоведения и криминалистики позиций. Эта мысль в качестве пожелания неоднократно высказывалась криминалистами, не обретая всестороннего и конкретного обоснования. Большой интерес представляет предлагаемая авторами система речевых характеристик, которая может стать основой родо-видовой идентификации личности и может быть соотнесена с аналогичными системами, предлагаемыми криминалистами.

Можно ожидать, что настоящая публикация—не последняя в ряду подобных, а лишь один из первых опытов, открывающих перспективное направление в решении актуальных задач, решаемых на стыке правоведения, психологии, лингвистики и сопредельных наук.

Глава 1. РЕЧЬ КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ В СЛЕДСТВЕННОМ ПРОЦЕССЕ

В своей профессиональной деятельности следователю часто приходится обращаться к речи как источнику информации. Речь способна характеризовать не только личность подследственного или свидетеля, но и особенности его психического состояния. Последнее особенно существенно, когда возникает необходимость определить, вменяем или невменяем подследственный. Однако на первом месте для следователя стоит, конечно, использование речи как орудия розыска и идентификации преступника.

Основной проблемой, встающей в этой связи, является соотнесенность речевых и неречевых признаков личности. Можно ли, располагая только сведениями о речи данного человека, представить себе, например, его физический облик?

Естественно, прямых корреляций речи с чертами внешности установить невозможно. Однако в речи могут отражаться некоторые особенности темперамента, характера и другие особенности, которые сказываются и в манере человека держаться, вести себя. Нерешительный, стеснительный

человек говорит соответствующим образом (как именно, любой читатель интуитивно представляет себе), но и держится он обычно тоже довольно характерно—сутулится, отводит глаза, говоря, краснеет и т. д. Бывают и более сложные зависимости.

Люди с тем или иным заметным физическим недостатком (например, слепые) имеют тенденцию в своем поведении как бы компенсировать свой дефект, держась излишне уверенно, говоря с излишней экспрессией, иногда раздраженно. Общеизвестно, что люди с дефектом слуха не соразмеряют громкости своей речи и чаще всего говорят слишком громко, а характерной особенностью речи глухонемых является ее монотонность.

Корреляций между особенностями физического типа и особенностями речи также, по-видимому, нет, если не считать бросающихся в глаза и легко улавливаемых здравым смыслом следователя случаев типа речевых пауз благодаря одышке, обычно сочетающейся либо с преклонным возрастом, либо с полнотой, либо с тем и другим вместе.

Чаще всего, однако, следователь имеет дело с иными ситуациями. Это:

а) ситуация, в которой встает задача «атрибутировать», отнести текст к тому или иному лицу, т. е. с достаточной мерой убедительности доказать, что данный текст, например графический (или записанный на магнитофонную ленту), заведомо принадлежит данному лицу или, напротив, заведомо не может ему принадлежать;

б) ситуация, в которой из речевых особенностей текста черпается информация о категориальных признаках личности (возраст, принадлежность к той или иной социальной группе, происхождение из того или иного места) и, таким образом, о возможных направлениях розыска автора текста.

Атрибуция текста производится не только в криминалистической практике. Это—одна из важных проблем так называемой текстологии, вспомогательной историко-филологической дисциплины, изучающей историю возникновения и судьбу текста художественных и общественно-политических произведений. В обоих своих приложениях проблема атрибуции остается открытой, потому что в настоящее время практически невозможно с полной достоверностью атрибутировать письменный текст тому или иному автору только на основании языкового и стилистического анализа¹. Основным источником атрибуции остается пока так называемая графическая экспертиза — анализ почерка, орфографии и других внешних признаков текста. Конечно, признаки, связанные со стилем, манерой изложения, частотой употребления тех или иных слов, основной направленностью текста, тоже могут быть успешно использованы в ходе экспертизы², но эксперт не может прийти к достоверному выводу, руководствуясь только ими. Ниже, говоря о возможностях экспертизы текста, мы остановимся на некоторых из этих признаков (стр. 25—30).

Что касается специфических признаков письменного текста, то здесь важна прежде всего проблема почерка. Доказано, что, как бы пишущий ни старался изменить почерк, в рукописном тексте достаточной длины всегда можно обнаружить специфические особенности, позволяющие говорить об идентичности или неидентичности почерка. Как показали советские ученые (и в первую очередь проф. Н. А. Бернштейн), определенные признаки почерка остаются сохранными даже в том случае, когда человек пишет не правой, а левой рукой, ногой или держа карандаш в зубах. Более подробный анализ почерковедческой проблематики не входит в нашу задачу³. Ограничимся лишь констатацией того факта, что в настоящее время имеется реальная

возможность поставить на службу графической (почерковедческой) экспертизы электронно-вычислительную технику.

Ближе к теме настоящей главы вопрос об орфографических ошибках и других непочерковедческих признаках письменного текста (в частности, «варваризмах» в орфографии, вызванных влиянием иного языка). Теории этой стороны графической экспертизы пока не существует, есть лишь описание отдельных криминалистических удач (и неудач). Сравнительно недавно в этом направлении стал работать С. М. Вул, которому удалось показать устойчивость некоторых признаков письменной речи при ее преднамеренном искажении. Кроме того, выяснилось, что в этом случае имеет место очень своеобразная динамика текста: «К концу текста уменьшается количество ошибок и повышается уровень стройности и связанности изложения»⁴.

Есть и еще некоторые специфические вопросы психологического характера, относящиеся к графической экспертизе. Среди них проблема эмоционально окрашенной письменной речи: известно, что в условиях сильного эмоционального потрясения человек ослабляет контроль над своей письменной речью, допускает большие отступления от нормы и в лексике и синтаксисе, увеличивается количество ошибок и опечаток и т. д.⁵. Эта проблема существенна в процессуальном отношении. Другая проблема—патология письменной речи. Она с особенной ясностью выступает при анализе почерка (ср. «кудрявые», украшенные росчерками и завитушками тексты, написанные больными маниакально-депрессивным психозом), но может быть прослежена и на других уровнях анализа текста (см. об этом также ниже, стр. 18).

Переходя к признакам устной речи, которые могут быть использованы для идентификации личности говорящего или выявления отдельных категориальных признаков его личности, отметим, что такая ситуация, ранее малотипичная для криминалистической практики, в последние годы стала гораздо более актуальной в связи с большей распространенностью технических средств—от телефона до магнитофона. Кроме того, анализ речи может быть использован для прямой идентификации личности разыскиваемого преступника в тех случаях, когда его внешность изменена и не могут быть почему-либо использованы другие физические особенности (например, отпечатки пальцев). Остепени распространенности исследования речи в криминалистике может свидетельствовать опубликованное в японской печати сообщение о планах создания национальной фонотеки голосов всех жителей Японии⁶.

Охарактеризуем те признаки устной речи, которые могут быть использованы в криминалистике.

Первая группа признаков—это звуковые особенности речи. Они могут быть разделены на индивидуальные и групповые.

Наиболее достоверными **индивидуальными** звуковыми признаками являются:

(а) голос. Это—такая характеристика речи, которая связана с тембром, высотой голоса, интенсивностью (громкостью): особенности голоса могут быть названы лишь условно, так как они связаны с полом, возрастом, в известной мере—с типом высшей нервной деятельности. Отождествление индивидуальных особенностей голоса может быть в принципе осуществлено автоматически: есть данные, что с помощью спектрографического анализа голос может быть отождествлен и при попытках его изменить⁷;

(б) интонация. Несомненно ее «полевой» характер;

вариации интонации связаны с особенностями личности (в том числе типом высшей нервной деятельности), психическим состоянием в момент речи и т. д. Интонационные особенности речи также поддаются инструментальному изучению.

С интонацией связаны:

(в) темп речи, вернее выбор определенного темпа внутри границ, поставленных нормой языка;

(г) характер, длительность и распределение пауз (см. также ниже);

(д) характер и степень логической выделенности (различие речи разных людей по этому параметру особенно четко проявляется в публичной речи);

(е) степень фонетической редукции. Одно и то же слово или высказывание обычно произносится разными людьми даже в одной и той же ситуации с разной мерой «проглатывания»: (ал'иксандр) — (ал'ьсан) — (ъл' сан) и т. д.

Из числа групповых фонетических признаков укажем на следующие:

(ж) диалектные черты, позволяющие уточнить с переменной степенью точности (от группы областей до— в отдельных случаях—труппы деревень) происхождение данного человека (см. об этом ниже, стр. 14);

(з) иноязычный акцент. Эта проблема требует направленной теоретической и экспериментальной разработки (см. также ниже, стр. 16).

Вторая группа признаков—**семантико-грамматические**. К ним относятся:

(и) характер заполнения пауз. Эта черта особенно показательна ввиду почти полной произвольности такого заполнения (эээ... ммм... *эта...*);

(к) выбор слов и конструкций. Одни и те же выразительные потребности, один и тот же стиль речи соотносится у различных говорящих с различными пластами лексики;

(л) мера выразительности, т. е. потенциальные возможности выбора. Ср. у К. Чуковского («Высокое искусство») о переводчиках: «Почему многие переводчики всегда пишут о человеке—худой, а не сухопарый, не худощавый, не щуплый, не тощий?» Этот признак выражается в интуитивно ощущаемой «банальности», «плоскости» речи;

(м) мера правильности (уровень речевой культуры), которая может быть оценена и количественно (окажем,

количеством грамматических, семантических и акцентных неправильностей в единицу времени или на единицу текста);

(н) мера организованности текста, т. е. большая или меньшая степень его планируемости и соответственно его «случайности».

Некоторые из перечисленных признаков (семантико-грамматические) могут быть использованы и при анализе письменной речи. Однако важно помнить, что письменная речь в общем случае более осознанна, чем устная, и те же признаки, которые произвольно «пробиваются» в устной речи, особенно спонтанной, неподготовленной, в письменной могут быть замечены, осознаны пишущим и целенаправленно искоренены. Ряд признаков пока не используется систематически в криминалистическом анализе речи, но при современном уровне развития психологии речи и смежных наук вполне может быть использован (логическое ударение, заполнение пауз и т. д.).

Третья группа признаков — **категориальные признаки речи**.

Начнем с **возрастных** особенностей. В современном русском литературном языке есть некоторые явления, связанные с делением языкового

коллектива на отдельные поколения. Дело в том, что язык развивается быстро, но люди, усвоившие язык и — что особенно важно—получившие осознанное представление о языковой норме 40—50 лет назад, в основном сохраняют это представление и поныне. Молодежь же сталкивается с уже изменившимся языком, с иным представлением о норме. Отсюда ряд социально-психологических моментов: «старшие» поколения относятся с непониманием и нередко возмущением к речевой норме молодежи (большая часть писем в газеты с осуждением того, «как теперь говорят», пишется именно людьми немолодыми); в свою очередь, молодежь стремится любой ценой отстоять свою речевую самостоятельность. И можно быть совершенно уверенным, что—точно так же как молодые никогда не употребят слова или формы, представляющихся им устаревшими,— пожилые люди скорее вообще ничего не окажут, чем вставят в свою речь новое, возмущающее их словечко. Здесь лежит первая возможность определить по речи возраст говорящего. Едва ли старик окажет *до фонаря* или *до фени*, но и юноша не употребит выражений *соблаговолите*, *не извольте беспокоиться* иначе как с шутливой интонацией.

Вторая возможность связана с тем неосознаваемым обычно фактом, что независимо от развития нормы происходит изменение словаря за счет обогащения его новыми словами и вытеснения некоторых старых. Одному из авторов настоящей брошюры довелось присутствовать при разговоре покупателя (65 лет) и молоденькой продавщицы (лет 20) в игрушечном магазине. Покупатель попросил показать ему игрушечный вертолет. Продавщица не поняла. Автор понял, но если бы он сам беседовал с продавщицей, то попросил бы самолет. Это понятно. Слово *вертолет* вытеснило *геликоптер* около 1950 г. Поэтому продавщица уже не знает старого слова. Автору было около 15 лет, значит, его «языковое образование» еще не закончилось, вытеснение старого слова новым происходило на его глазах. Покупатель к этому времени давно уже был сложившейся личностью, и, чтобы вытеснить старое слово, новое слово должно было по крайней мере встречаться ему достаточно часто. (Но специальность его была другая, и книг по авиации он не читал.)

Социальные особенности речи труднее выявить. Здесь встает прежде всего проблема: что такое «социальные особенности» в нашем социалистическом обществе, какие социальные группы оставляют свой «след» в языке? Думается, что понимать этот вопрос упрощенно («речь рабочего», «речь интеллигента») не стоит. Каждый человек, вступая в разного рода отношения с другими людьми, занимая определенное место в разного рода объединениях людей—группах (на работе, на улице, в клубе и т. п.), выполняет разные социальные роли. Эти роли диктуют и разницу в употреблении языковых средств. Представим себе следующую ситуацию. Какой-то человек (А) работает мастером на заводе. Естественно, что его речь отличается от речи, предположим, конструктора или рабочего сцены в театре. Но вот наш А покинул стены завода и отправился в шахматный клуб судить соревнования. Он попадает в другую систему отношений, меняется его социальная роль, меняется круг общения (в соревнованиях могут участвовать и артист, и рабочий, и учитель), меняется его речь.

Таким образом, речевые особенности человека прямо и непосредственно связаны с выполняемыми им социальными ролями. Это, во-первых, но, во-вторых, в речи человека отражается и более постоянная его характеристика—социальный статус (место, которое он занимает в обществе). В понятие

социального статуса входит профессия человека, уровень его культуры и т. п. Все эти компоненты социального «портрета» человека отражаются в его речи: в ее «литературности», в выборе (в широте выбора) слов и выражений, в умении строить фразу и находить более (или менее) удачные слова для выражения разных состояний. Иначе говоря, даже выполняя одну и ту же социальную роль, разные люди могут говорить (и говорят) по-разному.

Третье, что связано с социальными особенностями речи человека,— это так называемые «социальные диалекты». Среди «их можно выделить три группы: а) профессиональные языки, б) жаргоны, в) условные языки (арго). Эти социальные диалекты, будучи распространены повсеместно, в разной степени проникают в общенародный язык.

Если профессиональные языки подчас характеризуют широкий «руг специальностей (скажем, инженеры-конструкторы, работающие по любой специальности, употребляют слова *кульман*, *рейсшина* и т. п.), то жаргоны «выдают» представителя какой-то профессии сразу. Например, до недавнего времени никто, кроме моряков траулерного флота, не употреблял слово *бич* (лентяй, живущий за чужой счет). Что же касается арго — тайных языков, — то это вопрос особый. Здесь уместно указать, что иногда и употребление арготизмов (слов и выражений арго) может помочь определить принадлежность человека к той или иной социальной группе.

Очень важны как источник информации о человеке (в процессе следствия) **территориальные** особенности его речи. Остановимся на них несколько подробнее.

Вся территория, занимаемая носителями русского языка, делится на две большие зоны Северо-восточнее линии Псков—Калинин—Москва—Муром—Пенза—Саратов распространены так называемые северновелико-русские, а к юго-западу от нее — вплоть до границ Украины и Белоруссии — так называемые южновеликорусские говоры. Иногда, кроме слова «говор», употребляют в том же смысле слово «диалект» или «наречие».

Обычно носителю литературного русского языка бросается в глаза лишь две-три характерных особенности диалектной речи: «оканье» северян, х вместо г у южан и т. д. Но диалектное членение территории распространения русского языка чрезвычайно сложно; если мы посмотрим «а карту, где отражено, в каких местностях как говорят (обычно это не одна карта, а целый атлас), то можно установить с довольно большой точностью, чем отличается речь жителя той или иной области (или даже района) от речи всех остальных носителей русского языка⁸.

Например, известно, что многие южане «якают»: *вясна*. Но это «яканье» может быть различным. Например, в Орловской области говорят *висна* (перед а), но с *вясны* (перед ы). В Тульской и Калужской областях тоже «якают», но иначе: *вяду* (перед «твердым» звуком), но *види* (перед «мягким» звуком). В Рязанской же области «якают» во всех случаях: *вяду*, *вяди*, *вясна*, с *вясны* и даже *бьяряги* (*береги*). Подобного рода различия хорошо изучены. Они зафиксированы и в произношении, и в грамматике, и в специфических диалектных словах

Изображенный Бернардом Шоу в «Пигмалионе» профессор Хиггинс с его умением определять по речи происхождение человека из той или иной части Англии — отнюдь не выдумка Шоу. Практически любой хороший русский диалектолог, послушав диалектную речь, может определить с точностью в

худшем случае до области, а обычно до района (в некоторых случаях и до группы деревень) происхождение данного человека.

Правда, здесь возникает другая проблема, вызванная тем, что носитель диалектной речи не всегда проводит жизнь на одном месте. Он ездит по стране, общается с носителями других языковых норм. Особенно важно, что речь его меняется, когда он попадает в город, особенно в Москву или Ленинград. В этом случае его речь нередко воспринимается как «деревенская», он чувствует это и старается вытравить из речи местные

особенности. Скажем, «окающий» человек будет стремиться «акать», чтобы говорить «по-московски». Частично это удастся, однако следы «диалекта» остаются.

Ученые-диалектологи, однако, не случайно различают «первичные» и «вторичные» диалектные признаки. Вытравив наиболее бросающиеся в глаза особенности своей речи, например «оканье», носители диалектной речи продолжают бессознательно употреблять менее заметные, но для уха языковеда совершенно четкие местные языковые черты. Город лишь накладывает на диалектную речь определенный отпечаток, но никоим образом не стирает диалектные особенности. Например, город нормализует употребление форм слов, не затрагивая их смысловых особенностей. Городская речь может заставить носителя диалекта употреблять какие-то не свойственные ему слова, но употреблять он их будет опять-таки по-своему.

Даже правильная, нормированная литературная речь сохраняет диалектные черты. Главная среди них — интонация. Так, старые москвичи «поют», а ленинградцы говорят отрывисто.

Особой проблемой является «псевдодиалектная» речь, когда человек старается выдать себя за носителя диалекта. Существует блестящая работа, где показаны типовые ошибки артистов, говорящих со сцены «по-деревенски»⁹; практически точно воспроизвести диалектную речь невозможно, если человек не родом из данной местности. Тем более это относится к человеку, стремящемуся имитировать диалектную речь в каких-то преступных целях. Можно с абсолютной уверенностью сказать, что экспертиза установит факт имитации.

Речь служит ценным источником информации также в том случае, когда задачей следствия является установить **национальную** принадлежность или родной язык того или иного человека. Информация поступает здесь по трем каналам: а) акцент; б) смысловые особенности речи; в) особенности неречевого коммуникативного поведения.

Под акцентом в широком смысле мы понимаем всю совокупность особенностей речи на данном языке, не характерных для речи человека, для которого этот язык является родным, но свойственных речи носителя какого-то другого языка. Это фонетические особенности, грамматические неправильности и неправильности в употреблении слов и словосочетаний. Набор таких особенностей в каждом случае конечен и может быть описан с достаточной для дифференцирования точностью, однако подобная работа еще не проделана. Особенно мало знаем мы о звуковом акценте, обычно наиболее стойком и потому особенно важном для следственных целей. Однако, имея магнитофонную запись акцентной речи, фонетист всегда может произвести квалифицированную экспертизу.

Основные компоненты звукового акцента — это, во-первых, такие особенности произношения отдельных звуков (фонем), которые соответствуют

системе данного языка (т е те звуки, которые должны противопоставляться друг другу в близких по звучанию словах, вроде *быль—пыль*, *был—быль*, действительно противопоставляются), но не соответствуют норме этого языка (т е противопоставляются не по тем особенностям, по которым нужно, и вообще произносятся не вполне так, как принято в данном языке, например, немцу свойственно различать русские *б—п*, *з—к*, *д—т* не по звонкости— глухости, а по слабости — силе, что дает для русского уха эффект двух степеней глухости, нередко недифференцируемых).

Во вторых (и наиболее часто), это отклонение от обычного ритмико-интонационного (включая сюда и меру интенсивности) оформления речи. Они наиболее трудно поддаются осознанию и поэтому принадлежат к числу особенно стойких; к тому же человек обычно легко воспринимает и сохраняет надолго, если не на всю жизнь, интонационные особенности речи людей, непосредственно окружавших его в детском возрасте. Это очень заметно, в частности, в речи русских, выросших в национальных республиках или в областях, граничащих с ними.

Даже если человек говорит на языке без акцента, его родной язык может оказываться в смысловых категориях, в которых актуализуется его мышление и которые получают в дальнейшем конкретно-языковое оформление. Так, довольно хорошо исследована специфика «рассечения действительности» носителями французского языка (в отличие от немецкого и русского).

Особенности неречевого коммуникативного поведения в наименьшей степени поддаются контролю. Это так называемые «паралингвистические» особенности: мимика, жестикация, речевой этикет, сопровождающие речь.

При полной внешней неразличимости речевого поведения все же существуют методы, в принципе позволяющие выявить скрываемое дву- или многоязычие, вернее, тот скрываемый факт, что данный язык является для человека неродным. Однако ввиду особенностей советского уголовно-процессуального права (обвиняемый в суде не обязан давать показания и не несет ответственности за ложные показания) эти методы не могут быть применены в следственной практике.

Следователю, ведущему протокол допроса, необходимо помнить о социальных, территориальных и других характеристиках речи. А. Р. Ратинов отмечает, что часто «следователь произвольно вкладывает в их (свидетелей — Авт.) уста свою собственную, не свойственную им речь», результатом чего являются «стилизированные» протоколы допроса¹⁰.

В заключение раздела изложим важнейшие сведения о месте анализа речи в судебной психиатрии.

Советское уголовное право устанавливает (ст. 11 УК РСФСР) два критерия невменяемости:

а) наличие хронической психической болезни, временного расстройства психической деятельности или иного болезненного состояния;

б) неспособность в силу болезненного состояния отдавать себе отчет в совершаемых действиях или руководить ими.

Для того чтобы невменяемость данного лица стала юридическим фактом, ответ на оба эти вопроса должен быть дан судебно-психиатрической экспертизой, а затем — на основании ее заключения — судом. Другой задачей экспертизы является заключение о психическом здоровье лиц, отбывающих заключение, а также потерпевших и свидетелей (в уголовном процессе) и в случае необходимости — лиц, участвующих в гражданском процессе.

Экспертиза является профессиональной обязанностью врачей-психиатров и не входит в круг задач юриста, не располагающего для этого необходимыми специальными знаниями. Однако, если мы обратим внимание на ст. 79 УПК, трактующую об экспертизе, то в ней (п. 2) обнаружим указание на то, что проведение экспертизы обязательно для определения психического состояния обвиняемого или подозреваемого в тех случаях, когда возникает сомнение по поводу его вменяемости. Поэтому юрист, будь он следователем, прокурором, судьей или адвокатом, должен располагать минимумом психиатрических знаний, позволяющих ему обосновать свое сомнение во вменяемости подсудимого (или в нормальном психическом состоянии свидетеля, потерпевшего и т. д.) и соответственно необходимость направления его на экспертизу. При этом юрист может опираться на различные особенности поведения данного лица; но одним из важнейших критериев являются особенности его речи.

Ниже следует краткое описание важнейших речевых особенностей, типичных для психических болезней, а также психических состояний, предполагающих полностью или частично постановку вопроса о невменяемости.

Характерные нарушения речи вообще сводятся к:

а) так называемой логоррее (человек непрерывно говорит, не дожидаясь вопроса или реплики собеседника, перескакивает на новые темы и т. д.— «словесный понос»);

б) персеверации речи (человек не может отойти от рассказанного им, повторяет высказывание еще и еще раз, полностью или частично);

в) разорванности или бессвязности речи (внешне речь кажется правильной грамматически, но лишена смыслового содержания);

г) обстоятельности, вязкости, выражающейся в чрезмерной подробности речи;

д) резонерству, мудрствованию, беспочвенным и бесплодным рассуждениям, вплоть до полной бессмысленности.

Эти особенности речи наиболее бросаются в глаза, но и сравнительно легко могут быть симулированы.

Перечень основных психических состояний:

Прогрессивный паралич (один из вариантов сифилитического психоза): затрудненная артикуляция, невнятность произношения. В развитой форме— неумение понять пословицу в ее «пословичном», переносном значении и толкование ее смысла самым конкретным образом; немодулированность (интонационная невыразительность) речи.

Так называемый Корсаковский психоз: резкое расстройство памяти, отражающееся и в речи (например, в парафазиях—одно слово «выскакивает» вместо другого). Возникает при органических поражениях головного мозга или как следствие хронического алкоголизма.

Так называемая болезнь Пика или Альцгеймера:

заметная стереотипность речи—фразы состоят из одних и тех же выражений и произносятся с одинаковой интонацией, одинаковы также мимика и жесты.

Эпилепсия: замедленная и неясная речь (при сумеречном состоянии сознания), «вязкость» речи и тенденция к персеверации, стереотипность, витиеватость речи, обилие слов в уменьшительной форме. При более тяжелых расстройствах—бедность словаря (олигофазия).

Шизофрения: резонерство и обстоятельность речи. Замена конкретных понятий абстрактными и наоборот. Семантическая разорванность или бессмысленность, обычно при сохранении грамматической целостности фразы. Фонетическая однотонность, или большие усиливают интонацию на вспомогательной, второстепенной части предложения и заглушают ее на основной, смысловой части. Повторение слов, произносимых собеседником (эхолоалия). Бессмысленное выкрикивание одного и того же слова, одной и той же фразы (вербигерация). Как можно видеть, симптомы очень различны, что отражает многообразие форм шизофрении.

Маниакально-депрессивный психоз: «телеграфный» стиль, иногда переходящий в бессвязность. Скачки идей, отвлекаемость речи на новые предметы. Возникновение большого числа ассоциаций по созвучию, отсюда избыток рифмующихся слов; в депрессивном состоянии— противоположные симптомы вплоть до полного отсутствия речи.

Те же признаки, но в других комбинациях и в другой степени выраженности могут выступать и при иных заболеваниях. Наличие их при всех обстоятельствах должно насторожить юриста. Чаще всего они сопровождают такие заболевания, которые безусловно заставляют признать невменяемость.

¹ См. «Вопросы текстологии. Сборник статей», вып. 2, М., 1960 (особенно статьи М. П. Штокмара и А. Л. Гришунина); «Основы текстологии», М., 1962; В. В. Виноградов. Проблема авторства и теория стилей, М., 1961.

² См.: А. И. Винберг, Криминалистическая экспертиза письма, М., 1940.

³ Об этом существует огромная литература. Ср., например:

Н. В. Терзиев, А. А. Эisman, Введение в криминалистическое исследование документов, ч. I, М.—Л., 1949; А. И. Винберг, Криминалистическая экспертиза в советском уголовном процессе, М., 1956; «Судебно-почерковедческая экспертиза», М., 1971; «Криминалистическое исследование рукописей, выполненных на некоторых языках народов СССР. Справочник следователя и эксперта», М., 1973.

⁴ С. М. Вул. Характер и пределы изменений письменной речи при ее преднамеренном искажении,— «Материалы Третьего всесоюзного симпозиума по психолингвистике», М., 1970; С. М. Вул, Исследование статистических характеристик письменной речи,— «Материалы V Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации», М., 1975; см. также: А. М. Компанией, Изучение с помощью ЭВМ количественных характеристик почерка,—«Криминалистика и судебная экспертиза», вып. 8, Киев, 1971.

⁵ См. об этом: Э. Л. Носенко, Особенности речи в состоянии эмоциональной напряженности, Днепропетровск, 1975.

⁶ «Если преступник в перчатках»,— «За рубежом», 1970, № 2, с. 19.

⁷ См. об этом- Дж. Фланган, Анализ, синтез и восприятие речи, М., 1968, § 56.

⁸ Ввиду того что мы не даем в тексте никаких конкретных сведений о тех или иных диалектных особенностях, приведем здесь важнейшую литературу вопроса: Опыт диалектологической карты русского языка в Европе, М., 1915; Н. Н. Дурново, Введение в историю русского языка, М., 1969; Р. И. Аванесов, Очерки русской диалектологии, ч. I, М., 1949. Важнейшие словари:

В. И. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, т. I—IV (ряд изданий); в начале I тома дан сжатый и очень полезный, хотя и устаревший, сводный обзор диалектных особенностей разных местностей; «Словарь русских народных говоров», вып. I и сл., М.—Л., 1965 и сл.

⁹ И.С.Ильинская и В.П. Сидоров, О сценическом произношении в московских театрах,— сб. «Вопросы культуры речи», вып. 1. М., 1955.

¹⁰ А.Р. Ратнов, Судебная психология для следователей, 1967, с. 194.

Глава 2. ПИСЬМЕННАЯ РЕЧЬ КАК ОБЪЕКТ СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Исследования письменной речи в криминалистических целях могут осуществляться с двух сторон. С одной стороны, эти исследования стремятся помочь ответить на вопрос о том, как определить, что данный текст принадлежит именно данному автору. С другой стороны, такие исследования могут дать материал для выявления тех качеств личности (личностных качеств, как выражаются психологи), которые так или иначе находят свое выражение в письменном тексте.

Первое направление исследований — это *идентификационные* исследования письменной речи, вторые — *неидентификационные*.

Вопросы экспертного исследования устной речи мы здесь затрагивать не будем, так как, во-первых, большая часть вопросов криминалистической экспертизы речи связана именно с изучением письменных документов;

во-вторых, всего оказанного выше относительно признаков устной речи, возможных для использования в целях идентификации личности, уже достаточно, для того чтобы представить, в каком направлении развиваются эти методы: усовершенствование различных технических систем, позволяющих сопоставлять характеристики звукового спектра голоса и временные интервалы процесса говорения; в-третьих, различие в методических приемах экспертного исследования письменной и устной речи достаточно велико (и зиждется на различиях в психологическом построении того и другого вида речи); поэтому необходимо специально разобрать вопросы экспертного исследования письменной речи или, более широко—вопросы экспертизы письма.

Сначала необходимо остановиться вкратце на определении некоторых положений и понятий этой области экспертной практики. Мы в основном будем говорить о письме (точнее, о письменной речи) со стороны его порождения, т. е. с позиций пишущего (хотя к явлениям письменной речи относят и процессы чтения письменного текста). Письмо как сложноорганизованная высшая психическая функция может быть изучено с двух сторон: со стороны графики письма (почерк) и со стороны реализации собственно речевых навыков (письменная речь). Развитие исследований этих связанных между собой явлений письма, собственно, и представляет собой историю развития концепций и методов криминалистической экспертизы письма.

Из приведенного методологического разграничения предмета исследования (почерк и письменная речь) следует чрезвычайно важный для криминалистической экспертизы вывод, заключающийся в необходимости разграничения понятий «автор» письменного документа и «исполнитель» письменного документа. Действительно, если при изучении устной речи такой проблемы нет (точнее, может быть поставлен вопрос о спонтанной и дикторской речи), то в случае необходимости исследования письменного документа вопрос об авторстве (или исполнителе) текста возникает прежде всего. В настоящее время считается общепризнанным тот факт, что почерк является предметом идентификационного исследования при постановке вопроса об исполнителе текста, подлежащего экспертизе; письменная речь — предмет идентификационного исследования при постановке вопроса об авторе анонимного или псевдонимного текста (вопрос атрибуции текста). Необходимость методологического разграничения предметов исследования письма в целом возникает еще и потому, что нередки случаи, когда

почерковедческая экспертиза не может быть осуществлена, например, когда следствие располагает печатным текстом.

Исследования рукописных текстов в судебно-следственных целях характеризуются большим разнообразием «направлений», «школ», «этапов»¹.

Начальным этапом в развитии экспертизы письма следует считать «каллиграфию». Уже тогда цели, стоящие перед «экспертами», состояли в идентификации исполнителя по тексту на основе идентичности в конфигурации букв. «Экспертами» были переписчики-каллиграфы: в начале XVII в. в России ими были приказные дьяки; в середине XIX в. ими могли быть преподаватели, секретари, нотариусы, учителя чистописания. Это обуславливалось тем обстоятельством, что именно эти люди были наиболее грамотными и могли судить об авторстве письменных текстов. Понятно, что методы и заключения подобных экспертов были крайне субъективны и основывались исключительно на личном опыте.

Предвестником криминалистического понимания экспертизы письма был сигналитический (или приметоописательный) подход. Здесь уже цель состояла в выделении типовых элементов почерка, анализе их особенности, а также в разработке для них единой номенклатуры словесного описания и единого способа измерений. Но, как часто бывает с новым перспективным научным направлением, появляются ответвления, представляющие собой крайние решения в общем рациональных идей. Сигналитический метод породил два, оказавшихся рудиментарными, направления: графометрию и графологию.

Автором графометрического метода являлся французский исследователь-эксперт Э. Локар. Следует особенно подчеркнуть, что графометрия возникла в период повального увлечения криминалистами системой Бер-гильона, принципы которой, так называемый «бертильонаж», и послужили теоретической основой в исследовании почерка. Система А. Бертильона состояла в разработке некоторого небольшого числа признаков конституционального типа человека, позволяющих использовать количественные характеристики с целью идентификации личности. Разумеется, точный количественный подход (а потому объективный) в проблеме идентификации личности был революционным, например, в сравнении с идентификацией по словесному портрету. Однако в графометрии абсолютизировались процедуры измерения графики письма, при этом качественная сторона вопроса идентификации исключалась из рассмотрения и вся ответственность за выводы экспертизы переносилась на статистику.

В графологии была сделана попытка связать графику письма с некоторыми психическими отклонениями личности пишущего. Стремление это намного опережало научное обоснование подобной связи, превращая графологию в технику толкования психических особенностей пишущего по почерку, чрезвычайно произвольную и субъективную. Таким образом, графологию характеризует субъективный и эмпирический подход к анализу письма, отягощенный методологией механицизма и идеализма (в плане метода и теории), подход, который в конечном счете привел к психологизации непсихологических явлений, а в самом крайнем выражении (например, Ч. Ломброзо) — к мистификации реальных психических феноменов (например, сенсомоторного компонента письменного навыка). Игнорируя опосредованную связь между графикой письма и индивидуально-психологическими особенностями исполнителя, графологи к тому же относили своеобразие, неповторимость индивидуального почерка к врожденным феноменам.

Перечисленные подходы в экспертных исследованиях письма характеризует одна общая черта — в их русле исследовался только почерк. Впервые проблема авторства принципиально ставится только в **криминалистическом** направлении идентификационных исследований письма.

Пионером криминалистического направления в экспертизе письма принято считать Ганса Гросса (кстати, он же впервые употребил термин «криминалистика»). Вклад этого ученого в развитие криминалистического мышления достаточно значителен, однако в оценке всех его концепций среди современных ученых-криминалистов нет единого мнения. И все же Гросс требовал впервые «обращать внимание на связь между формой и содержанием письма...», и тогда как «приметоописатели, графологи, графометры... не шли в своих исследованиях дальше изучения почерка... Ганс Гросс ряд вопросов исследования документа рассматривает с подлинных криминалистических позиций». В то же время «Гросс не только не дал ничего нового по сравнению с тем, что было известно до него, но, являясь сторонником графологических концепций, проповедовал антинаучные взгляды»².

Споры о роли Гросса неслучайны. Речь идет о периоде становления действительно научного подхода в экспертизе письма—криминалистическом направлении, и Гросс стоял, по-видимому, у истоков этого направления. Это утверждают криминалисты, находя, что у Гросса «объектом изучения является не только почерк, как у Бертильона и Ломброзо, а все письмо в целом, причем главное внимание исследователя уделялось смыслу, стилю и целевому назначению рукописи»³.

Криминалистическое направление имело еще один источник. Речь идет о попытке создать в 20-е годы нашего столетия судебно-психологическую экспертизу документов. Интересно отметить, что судебные психологи того времени, так же как и криминалисты, считали основателем своей дисциплины Ганса Гросса. Теоретическим фундаментом методов судебно-психологической экспертизы были многочисленные и интенсивно проводимые экспериментально-психологические исследования для целей судебно-следственной практики.

Среди задач, стоящих перед этими исследованиями, можно назвать следующие: психология свидетельских показаний, психология обвиняемого, психология участников судебного процесса, психология показаний несовершеннолетних и пр. Ганс Гросс не просто обратил внимание на криминалистическую ценность содержания документа, но и показал необходимость анализа содержания (впервые указал на это наш соотечественник Я. Баршев⁴). Судебно-психологическая экспертиза в том виде, в котором она оформилась к середине 20-х годов, методологически основывалась исключительно на анализе содержания документов.

По методическим приемам судебно-психологические экспертизы документов делятся на аналитические и синтетические. Те и другие методы предполагают представление текста свидетельского показания в историко-хронологической последовательности его изменения при повторных порождениях (именно на примере текстов свидетельских показаний отчетливо прослеживается идея методов, так как они предусматривают прежде всего анализ текста в динамике). Цель экспертизы — идентификация автора свидетельского показания.

Аналитический метод предполагает расчленение показания на отдельные составные элементы. Процедура членения фиксируется в сравнительной таблице, где сопоставляются однородные элементы показаний по содержанию и в то же время отражаются все изменения содержательного плана таким образом, чтобы решить вопрос об авторстве исследуемых показаний.

Синтетический метод, или метод сравнительно-хронологических таблиц, предполагает представление всего показания в связном изложении и позволяет видеть, как изменяются показания не в плане идеи или темы, но в плане дополнения содержания, «расцветивания» всевозможными деталями и эмоционально окрашенными элементами. Как правило, проводились специальные психологические эксперименты, где исследовалась память, уровень развития речевого и письменно-речевого навыка, мышление, мотивационная сфера и др. В таких экспериментах участвовали авторы данных показаний, и в результате экспериментов можно было определить возможность такого «расцветивания» показаний именно этими лицами.

Заключения экспертов, основанные на применении этих методов, не могли быть лишены субъективизма, так как касались только анализа качественной стороны содержания исследуемых текстов, и поэтому они не были достаточно строгими.

В наше время приведенные идеи нашли развитие в достаточно строгой системе анализа содержания речевых сообщений (контент-анализ).

Экспертиза письма после 20-х годов фактически стала отождествляться с почерковедением. Правда, крупнейший советский эксперт С. М. Потапов в 1937г. писал о том, что «письмо изучается экспертом не в отношении отдельных букв, а со стороны всех его признаков, относящихся как к содержанию, так и к системе движений, свойственной данному лицу и представляющей собой его почерк»⁵. В этом высказывании намечена дифференциация в исследованиях письма, однако в дальнейшем стали доминировать графические исследования при экспертизе письма. Так, А. И. Винберг в 1940 г. развивает уже только вторую часть тезиса С. М. Потапова. Он считает, что анализ почерка как составной части письма должен производиться в порядке выявления в сравниваемых документах как общих признаков, так и особенностей и деталей почерка. Вопросы же анализа других сторон письма, позже в аудитории экспертов-криминалистов получивших название «признаков письменной речи»⁶ (т. е. признаков, не связанных с графикой и топографией письма), только ставятся как вопросы к будущим исследованиям.

А. И. Винберг указывает на необходимость исследовать стиль письма, орфографию и описки, довольно убедительно иллюстрируя эффективность их анализа в целях криминалистической экспертизы целым рядом примеров из следственной практики. Но методы подобного анализа представляются неубедительными, поскольку в них превалирует в основном субъективно-оценочный компонент.

Разумеется, уровень наук о языке и речи не позволял тогда вплотную подойти к всестороннему изучению феномена письма, однако наряду с этой, по-видимому, главной причиной специализации экспертов на графике письма существует, на наш взгляд, и другая причина, а именно признание лишь за криминалистами компетенции в анализе «целого письма», т. е. и почерка, и содержания документа.

Стремление же криминалистов привлечь для экспертных исследований опыт других научных дисциплин заслуживает уважения и должно только приветствоваться. Еще Е. Ф. Буринский в 1903 г. ставит задачу показать лицам, пользующимся графической экспертизой, какое множество причин может чувствительным образом влиять на внешние изменения почерка. Он писал, что «приходится обращаться к литературам чуть ли не всех существующих наук о человеке, добывая материал, из которого должно сложить здание почерковедения, согласовать этот материал, привести его в систему»⁷.

Ниже мы покажем, что уже в начале века экспериментальный и теоретический багаж таких наук, как психология, психофизиология речи и других был достаточно весом, чтобы привлечение специалистов из этих областей дало ощутимые результаты в экспертизе письма. Однако криминалистическая экспертиза письма до недавнего времени избегала столкновения с опытом изучения языка другими науками, что, естественно, привело, с одной стороны, к углублению методологии и методов анализа графики, с другой — обеднило этот анализ, так как определение идентификационных признаков письменной речи целиком отдавалось на откуп интуиции эксперта. Например, в «Криминалистике» идентификационные признаки письменной речи выделены в самостоятельный параграф. Однако здесь «признаки письменной речи в тесном смысле слова относятся к содержанию, языку и различным привычкам письменной речи»⁸.

Серьезные качественные изменения претерпела традиционная концепция экспертов в области графической экспертизы письма в связи с работами Г. Д. Марковой. Она считает идентификационными признаками письменной речи «особенности языкового выражения мыслей в письменной форме, проявляющиеся в лексике, грамматике и стиле (как допустимые нормой языка, так и нарушающие ее), индивидуализирующие в своем своеобразном сочетании письменную речь каждого пишущего»⁹, а именно: степень грамотности, лексические, орфографические, синтаксические, пунктуационные и стилистические признаки. Г. Д. Маркова считает «необоснованным отнесение к числу признаков письменной речи содержания, основной идеи, темы рукописи, а также величины и расположения текста, заголовка, обращений, подписи, даты, места начала красных строк, приемов внесения исправлений, выбора письменных принадлежностей»¹⁰. Кроме того, Г. Д. Маркова дифференцирует признаки письменной речи на общие и частные (аналогично делению признаков почерка). Значение предложенного деления Г. Д. Маркова видит, во-первых, в том, что оно позволяет более полно и последовательно исследовать письменную речь, во-вторых, позволяет определить сравнительную идентификационную ценность признаков¹¹. Здесь важно отметить значительную деталь. Речь идет о возможности, даже необходимости, как считает Г. Д. Маркова, отнесения к идентификационным признакам письменной речи не только признаков, «нарушающих норму языка», но и признаков, «допустимых» этой нормой, т. е. признаков неиндивидуальных в понимании предшествующих исследователей.

Эти идеи оказались не сразу понятыми и принятыми криминалистами. Так, М. Я. Сегай, указывая на двойственный характер письма (письменная речь и почерк), предлагает делить идентификационные признаки письма на две группы: признаки письменной речи и признаки почерка. По аналогии с исследованиями почерка он также предлагает делить признаки письменной речи на общие и частные. Однако на этом прогресс завершается, так как к

числу общих признаков письменной речи М. Я. Сегай относит и общее содержание, и целевое назначение письменного документа, и общий характер размещения текста в зависимости от смыслового содержания рукописи (наличие разделов, абзацев или их отсутствие), и акцентуацию. А. И. Винберг идентификационные признаки делит на признаки письма, общие признаки почерка, частные признаки почерка. Содержание и топография текста в этой системе стоят в одном ряду с лексическими, грамматическими признаками¹².

Но у Г. Д. Марковой находятся и последователи. Так, Б. М. Комаринец выделяет такие признаки письма:

1) относящиеся к содержанию документа; 2) стиль изложения; 3) лексические (словарные); 4) грамматические; 5) патологические (болезненные)¹³. Несомненным достоинством этой работы является то, что, во-первых, автор, по-видимому, один из первых акцентировал внимание на письменной речи как на источнике сведений об авторе анонимного текста и, во-вторых, он — один из первых криминалистов, прямо заявивших о целесообразности привлечения при анализе письменной речи лингвистов, а если возникают сомнения в психическом здоровье автора — врачей-психиатров¹⁴.

Публикация Л. Е. Ароцкера и В. К. Воинова 1966 г.¹⁵ стала, по мнению многих ведущих советских криминалистов, своеобразным этапом в развитии методических приемов криминалистической экспертизы письма. Основные методологические принципы экспертизы письма уже не дискутируются. Общеизвестно разделение признаков письменной речи на общие и частные; содержание и топография текста не включаются в список этих признаков. Принято деление признаков письменной речи на идентификационные и неидентификационные. Основное внимание уделяется изучению возможности анализа письменной речи с помощью формальных показателей. Л. Е. Ароцкер и В. К. Воинов, отмечая, что теоретически понятия «автор» и «наполнитель» текста разграничены, справедливо утверждают, что экспертами устанавливается лишь наполнитель анонимного документа, и только по почерку. Указывая на необходимость сотрудничества с филологами в разработке формальных методов анализа письменной речи, авторы предлагают программу статистического анализа «формальных» признаков письменной речи, т. е. таких, существование которых в тексте не зависит от его содержания.

Таковыми являются синтаксические признаки, а также объем словаря, общее число словоупотреблений, число знаменательных и служебных слов, число предложений в тексте и др. Процедура исследования сводится к статистическому анализу различий по каждой из выбранных характеристик для ряда текстов (контрольных и анонимных).

Интерес, вызванный данной работой, намного превышает реальный эффект ее, что отметили сами авторы, указывая на предварительный характер результата. Но этот интерес характерен прежде всего потому, что отмечает тенденцию криминалистов «повернуть» к точным методам исследования письма. Теперь, указывая на действительно ориентировочно-поисковый характер отбора формальных признаков для количественной интерпретации, криминалисты-почерковеды уже не подвергают сомнению саму идею возможности строить формальные модели для идентификации автора анонимного текста. В то же время ведутся интенсивные поиски в плане структурирования системы признаков письменной речи.

Но часто вместо глубокого и всестороннего анализа содержательных признаков письменного сообщения авторы специальных работ вводят дополнительные признаки, такие, как, например, фонетико-грамматическая модификация. Иногда можно даже найти указания на то, что эксперту вовсе не обязательно знать язык, на котором написан документ, достаточно, чтобы родной язык эксперта и язык документа были основаны на кириллице. Эта точка зрения убедительно опровергается анализом рукописей, выполненных на языках народов СССР¹⁶.

И, разумеется, никоим образом нельзя в качестве материала для анализа письменной речи использовать речь, записанную на магнитофон.

В последнее время заметно увеличивается число исследователей-криминалистов, отмечающих целесообразность использования данных смежных наук при решении задач сугубо криминалистического характера. Так, например, обращается внимание на исследования в области литературоведческой атрибуции, отмечается необходимость выделения судебно-лингвистической экспертизы в самостоятельную область криминалистической экспертизы письма. Пока все же преждевременно ставить вопрос об отнесении автороведения к криминалистической экспертизе, так как реально не созданы ни теория, ни методы этого направления. Однако, по-видимому, более правильно рассматривать автороведение в рамках судебно-психологической экспертизы, так как, во-первых, возможные методы атрибуции являются методами общей и социальной психологии, психолингвистики и социологии (контент-анализ), во-вторых, экспертиза авторства должна рассматриваться шире, нежели только идентификационное исследование (данные неидентификационного характера, например индивидуально-психологического содержания, также подлежат компетенции этого исследования).

Все изложенное выше позволяет утверждать, что теоретические положения в области классификации признаков письменной речи достаточно хаотичны. Гораздо более системно представлены концепции методов криминалистической атрибуции. Выше был отмечен поворот в сторону формализации методов и определения объективных критериев оценки исследования признаков письменной речи, осуществленный в упомянутой работе Л. Е. Ароцкером и В. К. Воиновым. Характерной особенностью последнего времени является утверждение этого направления в криминалистической экспертизе письма как в нашей стране, так и за рубежом.

Интересное исследование письменной речи было предпринято американскими психолингвистами Ч. Осгудом и Г. Уолкер на материале предсмертных записок. Гипотеза авторов состояла в том, что высокий уровень эмоциональной напряженности должен влиять на стереотипность характеристик письменной речи, приводить к деструктивности речевого поведения, отражаться в особенностях речи (лексических, грамматических и др.). Метод исследования: статистический анализ формальных характеристик текста. В качестве таковых рассматривались: 1) число слогов на слово (закон Ципфа); 2) объем лексического словаря; 3) число повторений; 4) отношение числа глаголов и существительных к числу прилагательных и наречий; 5) информационная избыточность; 6) «категориальные» термины; 7) число ошибок; 8) средняя длина независимых сегментов; 9) число оценочных терминов. Результат исследования в основном показал правильность первого тезиса гипотезы (о стереотипности характеристик письменной речи).

Таким образом, в настоящее время в практике криминалистических исследований анонимных текстов используются два метода анализа: субъективный и объективный.

О надежности субъективного метода говорит мнение маститого исследователя А. Нафтали: «Уверенность эксперта основана только на богатом опыте и на наличии достаточного количества образцов письменной речи»¹⁷.

В то же время в криминалистических экспертизах авторства все больший вес приобретают объективные методы анализа характеристик текста, становясь единственным научно обоснованным направлением. Один из таких методов мы опишем ниже.

¹ См. об этом: Н. В. Терзиев, А. А. Эйсмэн, Введение в криминалистическое исследование документов, М., 1949.

² См.: Криминалистика, М., 1938, с. 30.

³ Там же, с. 22.

⁴ Я. Б а р ш е в, Основания уголовного судопроизводства, СПб., 1841

⁵ С. М. Потапов, Исследование документов,— «Материалы учебной конференции следователей в Прокуратуре СССР», М., 1937.

⁶ А. И. В и н б е р г. Криминалистическая экспертиза, письма, М., 1940.

⁷ Е. Ф. Буринский, Судебная экспертиза документов, производство ее и пользование ею, СПб., 1903, с. 189.

⁸ Криминалистика, М., 1950, с. 193.

⁹ Г. Д. Маркова, Идентификационные признаки письма в советской криминалистической экспертизе, автореф. канд. дисс., Харьков, 1956, с. 7.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, с. 9.

¹² А. И. Винберг, Криминалистическая экспертиза в современном уголовном процессе, М., 1956.

¹³ Б. М. К о м а р и н е ц, Сборник работ по криминалистике, М., 1957.

¹⁴ Там же, с. 73.

¹⁵ Л. Е. Ароцкер, В. К. Воинов, Об использовании лингвистической статистики для установления авторства анонимного текста,— «Криминалистика и судебная экспертиза», вып. 3, Киев, 1966.

¹⁶ См., например: Криминалистическое исследование рукописей, выполненных на некоторых языках народов СССР, М., 1973.

Глава 3. ПРОБЛЕМА МИНИМИЗАЦИИ ТЕКСТА

В настоящее время в экспертизе авторства текстов используются в основном методы анализа формальные характеристик письменной речи. Эти характеристики представляют собой показатели частоты встречаемости тех или иных единиц речи в исследуемом тексте. Лингвистическая природа, количество и уровень организации формальных характеристик могут быть самыми различными. К их числу относятся, например: характеристики лексического богатства текстов, выражающиеся через показатели отношений различных слов ко всем словам данного текста; относительная распространенность различных частей речи в данном тексте; средняя длина предложений и пр.

Что же касается количества используемых при атрибуции формальных характеристик, то и здесь диапазон достаточно широкий. Так, харьковские исследователи выделяют до 63-х формальных характеристик: от сравнительно простых (относительное число знаменательных слов в тексте) до достаточно сложных (частотность определенных грамматических конструкций в тексте)¹.

Теоретическим основанием для использования формальных характеристик в целях атрибуции является стохастическая (вероятностная) модель порождения речевого высказывания. Как следствие подобного рассмотрения процессов речепорождения возникает вопрос минимизации атрибутируемого текста. Действительно, с возрастанием объема (длины) текста частота того или иного речевого элемента стабилизируется. И тогда те частотные показатели, которые характеризуют организацию речевых элементов у данного индивида, в конечном счете могут быть выявлены. (Примером тому служат вычисленные показатели лексического богатства, например, языка А. С. Пушкина.)

Иными словами, принцип индивидуализации речевого опыта, речевого общения позволяет предположить, что указанные показатели будут сугубо индивидуальны и могут служить в качестве идентификационных признаков. Но это справедливо лишь при условии достаточного по объему текста данного автора. Но какова «достаточность» объема речевого массива для вывода о возможном авторстве, пока неясно. Это осложняется тем обстоятельством, что различные исследователи используют совершенно различные характеристики при анализе письменной речи.

Характерно, что вопрос о минимальном объеме атрибутируемого текста ставился еще в начале текущего столетия отечественными исследователями². Используя сравнительно немного формальных характеристик, А. А. Марков, Н. А. Морозов пришли к выводу, что объем исследуемого текста должен быть порядка нескольких тысяч слов. Исследования последнего времени, где используется современный математический аппарат, показали, что минимальный объем текста при атрибуции должен быть не менее пяти тысяч слов³.

Но эксперты-криминалисты при проведении экспертиз по атрибуции текста практически никогда не располагают текстами такого объема. При анализе текстов меньших по объему (порядка нескольких сот слов), как показали последние исследования⁴, формальные характеристики непригодны, поскольку они очень изменчивы. Однако уже появилась возможность преодолеть и эти трудности. Эта возможность основана на использовании принципов, имеющих психологический и психолингвистический характер.

Установлено, что при условии нормального развития речевого навыка человек, как правило, адекватно воспринимает речевую информацию даже в случае ее частичного искажения или неполного представления. Например, в условиях сравнительно плохой слышимости часть сообщения может быть не воспринята, однако смысл его все же осознается. Эти и другие наблюдения дают основания считать, что известное в психологии явление «константности восприятия» (исследованное главным образом в сфере зрительного восприятия) имеет место и в сфере речевой деятельности. На это указывают, в частности, результаты исследований частотных измерений элементов речи. Так, например, показано, что субъективная оценка частоты встречаемости тех или иных слов при определенных условиях эксперимента хорошо согласуется с объективной частотой распространенности этих слов, полученной из частотных словарей⁵.

Выводы, следующие из предположения о константности восприятия речевой информации, весьма перспективны для обсуждаемой проблемы. Речь идет о возможности разработки метода атрибуции на основе не самих формальных характеристик письменной речи, а на основе их субъективных

образов, которые менее изменчивы. Психолингвистические и математико-статистические процедуры к настоящему времени достаточно разработаны, для того чтобы осуществить эту попытку. Получены определенные результаты в исследованиях по атрибуции с применением методов анализа психологических образований в процессе восприятия речевой информации. Эти вопросы интенсивно и детально разрабатываются как у нас, так и за рубежом. У нас предпринято исследование по атрибуции опорных текстов М. Е. Салтыкова-Щедрина. Положительные результаты получены и в зарубежных исследованиях⁶. Все это дает основания оптимистически оценивать возможность применения подобных методов в автороведческих экспертизах.

¹ С. М. В у л. Об использовании признаков письменной речи в криминалистической экспертизе письма, автореф. канд. дисс., Харьков, 1975.

² Н. А. М о р о з о в, Лингвистические спектры,—«Известия отделения русского языка и словесности», т. 20, кн. 4, 1915; А. А. М а р к о в. Пример статистических исследований над текстом «Евгения Онегина», иллюстрирующих связь испытаний в цепь, — «Известия Императорской Академии наук», серия 6, 1913, т. 7, № 3.

³ Е. В о р о ч а к, Методы вычисления показателей лексического богатства текстов, — «Семиотика и искусствоведение», сборник переводов, М., 1972.

⁴ В. И. Б а т о в, Ю. А. С о р о к и н, Атрибуция текста на основе объективных характеристик (итоги эксперимента),—«Известия АН СССР», серия литературы и языка, 1975, т. 34.

⁵ Р. М. Ф р у м к и н а, Вероятность элементов текста и речевое поведение, М., 1971.

⁶ Д. Б. К э р о л л, Факторный анализ стилиевых характеристик прозы,— «Семиотика и искусствоведение», сборник переводов, М., 1972.

Глава 4. О ЛОЖНЫХ ПОКАЗАНИЯХ

Исследования речи в судебно-психологических и криминалистических целях имеют еще одно направление, а именно: исследование речи в целях верификации сообщений, исходящих как от обвиняемого (или подозреваемого), так и от свидетелей. Это направление включает два аспекта: 1) исследование собственно речевых высказываний (в том числе и паралингвистический подход); 2) анализ сопровождающих речевое высказывание физиологических сдвигов в организме говорящего.

В настоящее время интерес к этому направлению в значительной мере истощился, тогда как в начале текущего столетия (20—30-е годы) указанная проблема вызвала повышенный интерес исследователей самых различных областей, так или иначе имеющих отношение к судопроизводству. В 1929 г. появилась в переводе книга О. Липпманна и Л. Адама¹, которую можно рассматривать как обзор результатов исследований в этом направлении. Книга состоит из двух независимых, но дополняющих друг друга частей: одна представляет собой исторический экскурс в проблему лжи в отношении к праву (чисто юридический аспект); вторая часть посвящена психологии лжи совместно с анализом психологии высказываний. Психологическая сущность лжи определяется авторами так: «А имеет по отношению к лицу Б переживание обманывания, когда он сознательно вызывает в Б убеждение в наличии определенного круга фактов, отличающихся от того круга фактов, который он сам считает истинным; если он далее чувствует себя обычно связанным с Б известной общностью; и когда он осознает, что эта общность благодаря лжи хотя бы временно разрывается»².

Авторы считают существенным вопрос «о влиянии лжи на самого лжеца», когда «преодоление значительных тормозов, с которыми связан процесс лжи, создает в известном смысле „раздвоение личности“, нарушения внутренней гармонии,— словом то, что на обывательском языке обозначают „нечистой совестью"»³ Последнее замечание и есть намек на возможный дифференцированный подход в исследовании лжи.

Первый аспект в изучении лжи — исследование свидетельских показаний — освещен в очень большом числе работ как отечественных, так и зарубежных авторов. К этому же вопросу обращался и известный русский юрист А. Ф. Кони⁴. Начало этому положили известные психологические эксперименты Д. Бине и В. Штерна⁵. Суть подхода состояла в выделении типичных трансформаций свидетельских показаний (грамматических, лексических, стилистических) в разных стадиях изменения содержания показаний, которые (стадии) определялись условиями эксперимента. По мысли экспериментаторов, результаты подобного анализа показаний могли служить базой для разработки некоторых рекомендаций для практических работников (но более всего в экспертных целях) при оценке свидетельских показаний с целью выделения из них ложных.

Общеизвестным является тот факт, что главной — и конечной — задачей следствия является установление объективной истины. При этом достижение истины может идти минимум двумя путями. Первый путь—это процесс сбора данных, прямо, непосредственно или опосредственно свидетельствующих об истине. Второй путь—это преодоление данных, имеющих ложное содержание. В связи с этим важную роль приобретает— в контексте нашей книги — вопрос о ложных показаниях (единственный путь получения следователем ложных данных).

Что такое ложное высказывание? Это, очевидно, высказывание, в котором действительное положение вещей передается в искаженном виде. При этом будем считать ложным высказыванием только такое, в котором **намеренно** искажается положение дел в действительности.

Представим, что в действительности произошло некоторое событие, приведшее к результату (событие А, результат А₁). Рассказать об этом можно с помощью языковых средств (а и а₁, объективно отражающих истинное событие и истинный результат

В сознании говорящего это событие и этот результат отражаются в виде некоторого образа ситуации (А¹). Говорящий же, формулируя ложное высказывание, строит в сознании иной образ, не имеющий с реальным или никакого, или почти никакого сходства. Это будет образ Б¹ ситуации, существующей только в виде образа и не имеющей реального основания (Б).

Естественно, что при этом говорящий будет строить высказывание с помощью средств, адекватных образу несуществовавшей ситуации (б и б₁). Таким образом, возникает несколько отношений.

1. Отношение между реальной ситуацией (А и А¹) с образом ее в сознании (А¹).
2. Отношение образа нереальной ситуации (Б¹) с языковыми средствами его выражения (б₁).
3. Отношение между образами реальной и нереальной ситуации (А¹ и Б¹).
4. Отношение между средствами языкового выражения реальной и нереальной ситуации (а₁ и б₁).

Здесь мы встречаемся с проблемой соотнесения содержания высказывания с действительностью. Всякое высказывание или ряд высказываний (текст) так или иначе отражает действительность. Отражение действительности в высказывании может быть более или менее полным, цельным и однозначным. Независимо от степени полноты, цельности и т. д. любое высказывание своим содержанием как-то соотнесено с реальной действительностью. Это соотнесение в лингвистике называется предикативностью высказывания, являющейся характерным свойством любого высказывания. Таким образом, любому высказыванию свойственна предикативность, на основе которой строится его (высказывания) внутренняя программа (план речевых действий). В общем виде эта предикативность является истинной, потому что основой ее служат действительные, реальные, отношения и явления. Но предикативность может быть и ложной: события не было в действительности, но высказывание об этом не имевшем места событии есть.

Иными словами, при построении ложного высказывания программа последнего будет строиться на основе ложной предикативности. В сознании говорящего будет все время идти переживание двух картин: истинной и ложной, они будут сопоставляться, и из них при порождении высказывания будут выбираться и интерпретироваться отдельные элементы. Эти элементы и именуется средствами языка.

Представленные в литературе методы анализа текстов, содержащих искажение истины, использовались тогда, когда исследователю заведомо известно, что истина искажена⁶.

Мы же рассматриваем тот случай, когда истина неизвестна, причем она в высказывании предстает в искаженном виде, а это искажение часто только подозревается.

Более современная постановка исследований в этом направлении позволила, например, с помощью методов анализа содержания (контент-анализа) обратить внимание на тот факт, что при планировании и реализации ложного сообщения автор его, испытывая определенные трудности, актуализирует слова, имеющие сравнительно небольшую частоту встречаемости как в его индивидуальной речевой практике, так и в практике речевого общения той социальной группы, в которую он включен⁷.

Второй аспект этого направления — исследование психофизиологического состояния субъекта при даче им ложных показаний. Одним из пионеров этого направления был известный советский психолог А. Р. Лурия. Его «метод сопряженной моторики», предложенный для исследования «вторичных аффектов», т. е. следов тех аффективных состояний, которые имели место в момент воздействия криминогенной (противоправной) ситуации на данное лицо⁸, много позднее модифицировался на Западе и применяется как метод оценки лжи на специальных приборах «лай-детекторах». Суть этого подхода состоит в предположении (и это действительно имеет место), что при подаче криминогенного раздражителя, например слова, значение которого прямо связано с криминогенной ситуацией, в которой находилось ранее исследуемое лицо, физиологические сдвиги (регистрируемые по вегетативным показателям) укажут на участие данного лица в криминогенной ситуации. Сопоставляя эти реакции с тем ответом, который дает это лицо на вопрос об участии в данной ситуации, делается вывод об истинности или ложности ответа. К сожалению, как и всякая

крайность, данный подход, став единственным на Западе методом определения ложных показаний, дискредитировал себя практически полностью, что справедливо отмечают советские исследователи⁹, хотя идея этого метода остается правильной.

Таким образом, и определение факта ложности показаний, и выявление истины из «подтекста» ложного сообщения являются проблемами чрезвычайно сложными и пока далекими от разрешения. Тем не менее развитие психолингвистического анализа текстов с применением разного рода объективных методов может стать надежным способом решения указанных проблем. Проблема определения лжи, заключенной в тексте, является полностью проблемой психолингвистической. Поэтому не случаен интерес к ней психолингвистов¹⁰.

¹ О. Липпманн и Л. Адам, *Ложь в праве*, пер. и предисл. А. Е. Брусиловского, Харьков, 1929.

² Там же, с. 15.

³ Там же, с. 18.

⁴ См., например: Я. А. Канторович, *Психология свидетельских показаний*, Харьков, 1925.

⁵ См.: А. И. Елистратов и А. В. Завадский, *К вопросу о достоверности свидетельских показаний (опыты Бине и Штерна)*, Казань, 1903.

⁶ См., например: Ю. И. Левин, *О семиотике искажения истины, — «Информационные вопросы семиотики, лингвистики и автоматического перевода»*, М., 1974, вып. 4.

⁷ См., например: В. И. Батов, *О частотном анализе альтернативных сообщений, — «Методологические и методические проблемы контент-анализа»*, М.—Л., 1973, вып. 2.

⁸ А. Р. Лурья, *Сопряженная моторная методика, — «Проблемы современной психологии»*, М., 1928, вып. 2; *«Сопряженная моторная методика в исследовании аффективных реакций»*, — *«Труды Института психологии»*, М., 1928.

⁹ А. Р. Ратнов, О. А. Гаврилов, *Использование данных психологии в буржуазной криминалистике (психология допроса обвиняемого)*, — *«Вопросы криминалистики»*, 1963, № 8—9.

¹⁰ С. М. Вул, *Психолингвистическое исследование текста в криминалистической экспертизе письма, — «IV Всесоюзный съезд общества психологов СССР (проблемы судебной психологии)»*, М., 1971. См. также: Ю. А. Сорокин, А. М. Шахнарович, *Некоторые психологические параметры ложного сообщения, — там же.*

Глава 5. РЕЧЬ КАК ОРУДИЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ

Воздействие при помощи речи может быть разных типов: воздействие человека на человека (интерперсональная коммуникация), группы на группу (групповая коммуникация, пример—дипломатическая нота одного правительства другому или приказ министерства, рассылаемый по заводам), человека (группы) на широкую рассредоточенную аудиторию (массовая коммуникация) и др.

Речевое воздействие, с другой стороны, может быть трех видов в зависимости от специфики психологического механизма такого воздействия. Введем вслед за некоторыми советскими психологами коррелятивное понятие значения и смысла. А. Н. Леонтьев определяет эти понятия так: «Значение представляет собой отражение действительности независимо от индивидуального, личностного отношения к ней человека». «...Личностный смыт выражает *отношение* к осознаваемым объективным явлениям»¹. Если говорить соответственно о том, что «получатель» речи (реципиент), как и ее

«отправитель» (коммуникатор), располагает «полем значений», или системой значений, и «полем смыслов», то всякое речевое воздействие в конечном итоге сведется к заранее запланированным преобразованиям в «поле смыслов», проще говоря, к изменению в системе отношений человека к миру. Но достигается это разными путями.

Во-первых, мы можем ввести новые значения в поле значений и таким способом произвести изменения в поле смыслов. Человек узнает о каких-то вещах, о которых он раньше не знал, и это меняет его отношение к другим вещам. Например, подсудимый узнает от следователя о том, что в советском уголовном праве есть понятие «давности привлечения к уголовной ответственности» и, следовательно, он уже не подлежит суду. Это может изменить всю систему его отношений с органами правосудия и в конечном счете облегчить уход из уголовного мира и возвращение к честному труду.

Во-вторых, мы можем, не вводя новых значений, изменить поле значений реципиента, перестроив его, т. е. сообщив что-то такое, что заставит реципиента по-новому взглянуть на взаимоотношения лиц, предметов и явлений (что, в свою очередь, должно отразиться в изменении его поля смыслов). Например, в ходе следствия или суда над бандой выясняется, что главарь банды систематически обкрадывал своих сообщников, утаивая от них часть добычи. Естественно, что это изменит и отношение к нему со стороны соучастников.

В первом случае человек получает новое знание, тем самым количественно изменяется поле значений, что и служит основой изменения отношения к некоторым действиям (т. е. изменения смыслов).

Во втором случае новое знание не изменило соотношения и иерархии внутри группы преступников, однако изменило систему отношений их между собой (т. е. без количественного изменения поля значений произошло изменение смыслов).

В-третьих, мы можем воздействовать непосредственно на поле смыслов, не сообщая реципиенту вообще ничего нового для него, но лишь соответствующим образом расставив акценты, сосредоточив его внимание на каких-то его полусознанных эмоциях и т. д. Например, мы можем апеллировать к его чувствам к женщине, стоящей вне преступного мира (сходная ситуация описана в известном романе Ю. Германа «Один год»).

Если воздействие является со стороны коммуникатора осознанным и целенаправленным, то можно охарактеризовать воздействие первого вида как информирование, второго — как убеждение и третьего — как внушение. Конечно, граней между ними нет.

Все три вида речевого воздействия, в особенности убеждение и внушение, широко распространены в криминалистической и судебной практике. Перечислить все случаи такого рода невозможно. Назовем лишь некоторые. Следователь убеждает подсудимого в целесообразности признания, сообщая ему данные следствия, называя факты и имена. Прокурор информирует суд и присутствующих в зале судебного заседания, зачитывая обвинительное заключение. Адвокат убеждает суд и внушает суду, обращаясь не только к разуму, но и к чувствам, что обвиняемый заслуживает смягчения наказания.

Уже из сказанного здесь видно, какую огромную роль играет речь в деятельности любого юриста. В сущности, юрист вне зависимости от его узкой специализации обязан профессионально владеть навыками речи. К сожалению,

в юридическом образовании этой стороне вопроса до сих пор уделяется недостаточное внимание.

Остановимся более подробно на специфике речи в особенно характерном случае: в условиях беседы следователя с подсудственным или свидетелем.

Безупречное владение языком и развитые навыки речи необходимы следователю по разным причинам.

Во-первых, они обеспечивают объективность и достоверность расследования, а в дальнейшем и судопроизводства. Если следователь что-то недопонял или понял неправильно, или понял, но не сумел адекватно отразить в протоколе, это так и останется в деле и лишь с очень большим трудом может быть исправлено

Во-вторых, они обеспечивают доступность речи следователя. Этот фактор не менее важен. Ведь если даже следователь правильно понимает слова допрашиваемого, иногда достаточно одного неточного или неумело поставленного вопроса, чтобы допрос пошел по неправильному пути.

В-третьих, развитые речевые навыки и умения позволяют следователю установить с допрашиваемым живой психологический контакт, возбудить у него доверие:

для этой цели следователь может и должен уметь выбирать для собеседников разного пола, возраста, образования, социальной принадлежности разные слова, разное построение речи, уметь (в идеале) говорить с каждым на его языке.

Кстати, по той же причине следует рекомендовать следователю, постоянно работающему в иноязычной среде (например, на территории национальной республики, автономной области, национального округа), овладеть хотя бы в ограниченной степени языком местного населения: уровень доверия к человеку резко повышается, если население видит, что он если не овладел, то хотя бы старался овладеть языком и, таким образом, человек не «посторонний», не «случайный». Лучше начать допрос на местном языке и при появлении трудностей продолжить его через переводчика, чем работать с переводчиком с самого начала и тем самым сразу невольно противопоставить себя окружающим.

В-четвертых, развитые речевые навыки существенны и для профессиональной деятельности самого следователя. Они способствуют четкости и ясности мышления, помогают преодолевать сковывающее влияние профессионального языка, нередко отражающееся в некоторой шаблонности криминалистической мысли.

Несколько слов о том, какие именно особенности речи следователю полезно развивать.

Во-первых, это богатство словаря, умение в каждый момент, в любой ситуации выбрать как раз то слово, которое уместно и необходимо. Во-вторых, это дифференцированность употребляемых средств языка, не просто умение выбрать нужную форму выражения, а богатство различных стилистических и иных языковых пластов, из которых эти выражения можно черпать. Так, следователь может уметь правильно и уместно употреблять слова, но эффект его беседы будет совсем иной, если он в разговоре с крестьянином будет свободно пользоваться его словарем, в разговоре с бухгалтером — его профессиональной лексикой, а в разговоре с профессиональным уголовником покажет знание «блата». Кстати, вместе с А. Р. Ратиновым² мы считаем, что

следователь обязан понимать «блат», но не должен, кроме как в самых исключительных случаях, сам его употреблять.

В-третьих, это умение адекватно понять речь свидетеля или подследственного, т. е. умение как бы поставить себя на его место и «услышать» в этой речи то, что хотел вложить в нее говорящий, а не то, что следователь сам имел бы в виду, говоря те же слова и употребляя те же выражения. Чем выше квалификация следователя, тем объективнее его понимание речи свидетеля или подследственного, тем меньше он «вкладывает» в это понимание от своего личного речевого опыта, от своих собственных, индивидуальных речевых особенностей.

Выше мы говорили о том, что следователь должен говорить с каждым человеком как бы на его языке. Это, однако, совершенно не означает, что ему следует становиться на уровень допрашиваемого, говорить так, как говорил бы допрашиваемый на его месте. Следователь—лицо официальное, и он должен и в своей речи соблюдать известную «дистанцию», не допускать фамильярности и вообще излишнего «снижения» в языковом отношении. То же касается тех сравнительно редких случаев, когда следователю приходится иметь дело с людьми, по каким-то своими профессиональным, образовательным и другим признакам превосходящими уровень самого следователя. И здесь ему не следует стремиться полностью «слиться» с допрашиваемым в речевом отношении: это почти наверняка будет производить комический эффект и дискредитирует его в глазах допрашиваемого. Вообще следует учитывать, что язык дает возможность для очень тонких социальных и социально-психологических градаций, что даже уже одно обращение (конечно, не тогда, когда оно официально регламентировано) может выразить целую гамму отношения и задать психологический «тон» всей дальнейшей беседе. Свободно владеющий всеми этими оттенками юрист облегчает себе профессиональную деятельность. Определенной спецификой характеризуются речевые умения и навыки, являющиеся профессиональным достоянием судебного оратора — прокурора или адвоката. Мы не будем на этой проблеме останавливаться подробно, потому что ораторской речи—и судебной в том числе—посвящена обширная литература³.

¹ См.: А. Н. Леонтьев, Проблемы развития психики, 3-е изд., М., 1972, с. 290—293.

² А. Р. Р а т и н о в, Судебная психология для следователей, М., 1967, с. 101.

³ Об особенностях ораторской речи см.: Е. А. Н о ж и н, Основы советского ораторского искусства, М., 1972; А. А. Леонтьев, Психологические механизмы и пути воспитания умений публичной речи, М., 1973; Е. А. М а т в и е н к о, Судебная речь, Минск, 1973.

Глава 6. ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ ОБЪЕКТИВНОСТИ И ДОСТОВЕРНОСТИ В СОВЕТСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Бели мы запишем обыденную, разговорную речь или обычный телефонный разговор на магнитофонную ленту, а затем точно воспроизведем эту запись на бумаге, окажется, что запись будет совсем не похожа на привычный нам литературный текст документа, газеты, книги: *А как. еще братик у тебя есть зовут его?—А вот папа перед этим стоянка которая, разве там было близко от берега?—А вот Наташа сидит наш стол, а за*

следующим столом физик сидит Павлинский. — А я вот здесь у них беру черная. Кипячу и не отходит. Черная жидкость-то такая.

В аналогичном положении находится свидетель, регистрирующий показания потерпевшего, свидетеля или подследственного. Существуют определенные требования к тому, как должна выглядеть речь, будучи закрепленной в форме протокола. Но реальный человек, сидящий перед следователем, никогда не говорит, «как пишет». Его речь, как правило, отличается следующими особенностями, препятствующими дословной записи его показаний:

1) она неорганизована, т. е. свидетель (будем в дальнейшем говорить только о свидетельских показаниях), несмотря на нее возможные попытки следователя ввести его в русло последовательного изложения, обычно обивается, уходит в сторону, говорит избыточные (с точки зрения следователя) вещи;

2) она в лингвистическом отношении крайне далека от литературной речи и приближается по типу к бытовой разговорной речи, образцы которой приведены выше. Важно подчеркнуть, что чем больше человек взволнован, чем эмоциональнее его речь, тем она более «разговорна» (если это, конечно, не публичная речь; впрочем, и в ней в таких случаях появляются неправильности). Но человек, сидящий перед следователем, как правило, не находится в эмоциональном равновесии; относительно подследственного и потерпевшего это вне сомнения; но даже и самый посторонний делу человек, случайно оказавшийся свидетелем, испытывает волнение уже в самой ситуации допроса. Поэтому речь его обычно оказывается нелитературной, неправильной, сбивчивой;

3) она характеризуется повышенной значимостью интонации и логического ударения. На уточняющий вопрос следователя, верно ли, что Петров ушел в двенадцать часов, свидетель может ответить: *Петров? Ушел в двенадцать? Я на часы не смотрел, точно время не скажу.* Очевидно, что, если это показание будет записано: *Петров ушел в двенадцать, но точное время мне неизвестно,* — содержание показаний будет искажено. Одно дело, если свидетель скажет: *Иванов пришел в девять* (т. е. именно в девять, а не в десять). Совершенно иное, если он скажет: *Иванов пришел в девять* (т. е. это Иванов, а не Петров пришел в девять);

4) речь свидетеля, дающего показания, содержит большое количество информации, идущей по неязыковым каналам. Здесь следует указать в первую очередь на мимику и жест. Как указывают специалисты в этой области, жестикуляция и мимика могут, с одной стороны, сопровождать речь, причем такие мимико-жестикуляторные средства очень различны в зависимости от особенностей личности, от принадлежности человека к той или иной социальной группе и от его национальной принадлежности. Они могут, далее, заменять речь. Например, свидетель может в ответ на заданный ему вопрос просто махнуть безнадежно рукой. И наконец, мимика и жест могут комбинироваться с речью. Это наиболее частый случай. Здесь возможны, в свою очередь, три варианта:

а) мимика и жестикуляция относятся к определенному слову или словосочетанию и сопровождают это слово: *И она взяла малю-ю-сенькую коробочку* (показывает размеры коробочки); б) жестикулируя поясняет, о ком идет речь, когда в речи употреблено местоимение: *Пришла я к ним...—К кому?*

—Ну, к ним... (изображает руками толстую фигуру), в) жестикуляция заменяет слово или словосочетание: *Он у нас вообще...* (крутит пальцем у виска).

Из сказанного ясно, какое серьезное внимание должен уделять следователь правильной интерпретации речи и адекватной по смыслу записи показаний

Во-первых, целесообразно сделать речь свидетеля и вообще допрашиваемого возможно менее эмоциональной, создать ему максимально спокойную и комфортную психологическую обстановку. Это важное вообще положение следует здесь подчеркнуть потому, что чем более эмоциональна речь допрашиваемого, тем больше шансов у следователя ошибиться при переводе ее смысла в общепринятый «язык» протокола.

Во-вторых, в тех случаях, когда в речи допрашиваемого имеются интонационные выделения, правильное понимание которых существенно для смысла, следует переспросить его и добиться, чтобы он выразил ту же мысль словесными средствами.

В-третьих, следователь не может полагаться на то, что он адекватно воспринял жест допрашиваемого. Помимо крайней неопределенности значения жеста он бывает часто и просто двусмыслен или даже многозначен. Если оказать про человека: Он ведь.—и постучать пальцами по столу, это может означать либо дурак, либо доносчик. Если про человека говорят: Он же ведь—и показывают рукой что-то высокое, то это может означать высокий рост, высокое положение в служебной иерархии. И так далее Поэтому здесь переспрос особенно необходим.

Чрезвычайно важно учесть специфику допроса в тех случаях, когда допрашиваемый другой национальности, чем следователь, и особенно тогда, когда следователь проводит допрос в условиях чуждой ему национальной культуры. Здесь для следователя совершенно необходимо иметь хотя бы начальные представления об особенностях речевого поведения в данной культуре. У ряда национальностей, в том числе и в нашей стране, например на Северном Кавказе, считается элементарным нарушением речевого этикета, если молодой человек держит себя «на равных» с человеком старым, и в частности первым задает ему вопросы, к тому же, с точки зрения того, нередко глупые и лишние. Не зная этого, следователь может с самого начала завести допрос в тупик. Нечего и говорить о специфических национальных особенностях мимики и жестикуляции, вроде знаменитого жеста «нет» у болгар и некоторых других народов, внешне совпадающего с русским жестом «да» К сожалению, такого рода знания пока нигде не систематизированы и приобретаются исключительно посредством индивидуального опыта.

Другая речевая проблема, связанная с достоверностью,—это зависимость ответов допрашиваемого (по форме) от характера вопросов следователя. Эта зависимость тем больше, чем ниже уровень развития речевых навыков у допрашиваемого, А этот уровень, в свою очередь, зависит от образования, профессии, социального положения, речевого опыта и других факторов.

Такая зависимость выражается прежде всего в явлении так называемой персеверации, т. е. стремлении повторить в своем ответе слова и конструкции, только что употребленные следователем в вопросе. Персеверация опасна потому, что, как показывают эксперименты, представители различных «семиотических групп», вообще разные носители языка нередко вкладывают в одни и те же слова и выражения очень различные содержания. А поскольку

особенно подвержены персеверация как раз такие люди, у которых осмысление слов потенциально может очень далеко отходить от смысла, вкладываемого в эти слова следователем, персеверация может привести к тому, что следователь буквально вложит в уста допрашиваемого свои собственные слова, хотя и без какого бы то ни было злого намерения.

Кроме того, необходимо отметить такую особенность речи, как так называемая вербальная ригидность. Она заключается в том, что, даже если речь допрашиваемого не копирует в явной форме речь следователя, допрашиваемый как бы продолжает мыслить в направлении, навязанном ему следователем. Например, следователь спрашивает, заходил ли кто-нибудь чужой в квартиру между двумя и тремя часами дня. Свидетель в соответствии с этим уверенно заявляет, что не приходил, так как дверь была заперта на цепочку, а звонков не было, упуская из виду, что с утра в комнате у соседней работали маляры (которые действительно не заходили в квартиру в указанное время, а находились в ней еще раньше). Ригидность проявляется в речи допрашиваемого особенно, если он что-то сознательно скрывает. Отвечая на вопросы следователя стереотипным «не знаю», подсудимый может, скажем, ответить «не знаю» и на вопрос типа: «А что Вы сами делали вечером около девяти часов?»

Существенна для объективности получаемой информации и конкретная форма вопроса. Очевидно, что вопрос следователя должен быть правильно понят: это требование, так сказать, минимально. Но на степени понимания сильно оказываются и внешние формальные характеристики речи. Окажем, чем более конкретные слова использованы в вопросе следователя, чем четче логически выделено то или иное слово, чем более употребительные слова используются, тем легче понять этот вопрос при прочих равных условиях. Уровень понимания зависит и от порядка главных членов предложения (легче при порядке подлежащее—сказуемое), и от того, к какому главному члену относятся второстепенные (лучше, если к сказуемому), и от так называемой «глубины» предложения (т. е. его грамматической сложности), и от многих других причин.

Общее требование к речи следователя (в этом отношении) можно сформулировать так: она должна быть максимально краткой, ясной и простой по выбору слов и синтаксическому строю. Грубо говоря, всегда лучше опросить: «Вы были вчера около одиннадцати часов вечера около ресторана „Сокол“?», чем: «Я хотел бы знать, не находились ли Вы во вторник, ориентировочно в двадцать три ноль-ноль где-либо в районе пищевой точки, известной под названием „Сокол“». (Хотя последний вариант может показаться более «престижным».)

Специальную проблему представляют собой вопросы, содержащие внутри себя «подсказку» ответа, например построение в форме негативной конструкции (*Не... ли Вы*). Н. И. Гаврилова¹ полагает, что специфика наводящего вопроса состоит в наличии в нем внушаемой информации. Ею выделяются три типа наводящих вопросов:

1-й тип—вопросы, представляющие собой прямую подсказку («Были ли на нем перчатки?», или «Видели ли Вы на нем перчатки?», или «Не было ли на нем перчаток?»);

2-й тип—это вопросы, содержащие скрытую подсказку («Какого цвета на нем были перчатки?»);

3-й тип—это вопросы, направленные на лицо, реально существующее, известное допрашиваемому, но имеющие в виду детали («Как выглядел человек, севший за руль, на нем были перчатки?»).

Во всех приведенных примерах как раз и выясняется наличие перчаток.

Вообще следует стремиться возможно реже использовать в следовательской речи отрицание; отрицательная конструкция нередко вызывает у слушателя негативные эмоции в отношении предмета беседы, и создается определенная установка: «От меня хотят, чтобы я вывел этого мерзавца на чистую воду»,—хотя у следователя этого и в мыслях не было... С другой стороны, нецелесообразно употреблять в следовательской речи частотные оценочные прилагательные типа *белый — черный, старый — молодой, красивый — безобразный*. Они вызывают у слушателя моментальную антонимическую ассоциацию, что весьма снижает достоверность его показаний. Если спросить кого-то: *Этот человек. Старый?*, очень вероятный ответ будет: *Да нет, молодой.—В белом костюме?—Нет, в черном.—*На самом деле этот человек может быть лет сорока (не старый, но и не молодой) и в темно-синем костюме. На все указанные здесь искажения показаний влияет эффект внушения.

Внушение может возникнуть как результат общения участников допроса. Причем оно может возникнуть не только путем прямого или косвенного указания или утверждения, но и в результате постановки вопросов, наталкивающих на желаемый ответ. Для предотвращения этой опасности и служит ст. 158 УПК РСФСР (соответствующие статьи есть в УПК союзных республик). В соответствии с этой статьей допрос свидетеля состоит из двух частей: свободного рассказа о событии, по поводу которого свидетель вызван, и постановки и получения ответов на вопросы. Опасны вопросы, задаваемые в ходе свободного рассказа. Такие вопросы могут нарушить последовательность изложения, дать рассказу иное направление, переключить внимание рассказчика.

При ответах на вопросы точность показаний тоже может снизиться, если сама постановка вопроса заставляет отвечать определенным образом. Здесь следует отметить, что в отношении свидетеля законодательство запрещает наводящие вопросы, однако в отношении обвиняемого запрещения нет.

Это особенно важно применительно к несовершеннолетним и малолетним. Дети и несовершеннолетние особенно легко поддаются внушению, они могут неадекватно воспринять и истолковать отдельные факты. Не случайно Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР выдвинула тезис: «Суд должен особо критически относиться к показаниям несовершеннолетнего свидетеля, учитывая возможность ошибочности его представления о сообщаемых фактах»².

В заключение этой главы остановимся еще на одном вопросе, а именно на вопросе о метаязыке свидетельских показаний. Существует не осознаваемая обычно следователем предпосылка, что, описывая, окажем, событие или человека и употребляя оценочные слова (типа *большой, маленький, старый, молодой, рано, поздно*), различные свидетели вкладывают в эти слова одно и то же содержание. Это, однако, не так. Для низкорослого свидетеля преступник может быть «высоким», для высокорослого — «низкорослым» или «среднего роста». Для матери гость мог уйти «поздно», а для девятнадцатилетней дочери—«рано». Известны эксперименты, в которых подростки оценивали возраст буквально так: «возраст средний—24 года»,

«преклонный возраст— 38—40 лет» (А. А. Бодалев). Мы взяли здесь наиболее, так сказать, явные расхождения, мимо которых и так не пройдет ни один опытный следователь, но аналогичные вещи имеют место и во многих других случаях.

Л. Е. Ароцкер³, ссылаясь на Э. Локара, приводит интересный пример. Чем больше было участников определенного события, тем больше неточностей в показаниях свидетелей и потерпевших. В Париже в одном шествии участвовало 3 тысячи человек. Когда спросили у трех начальников полиции, на которых было возложено поддержание порядка, то получили ответ: 5 тысяч, 10 тысяч, 80 тысяч. На тот же вопрос два присутствовавших на шествии журналиста ответили: 30 тысяч и 300 тысяч.

«Однако,—отмечает Л. Е. Ароцкер,—если участников события было немного, то показания потерпевших и свидетелей, как правило, близки к действительности»⁴.

Подводя итоги сказанному, отметим желательность дублирования важных показаний, их повторение в виде перифразы, другими словами. Только такое показание можно (в идеале) считать субъективно достоверным, которое повторено хотя бы дважды с одним и тем же содержанием, но в разных речевых формах. Тем более нельзя считать достоверным показание, если допрашиваемый говорит «не своими словами», а пользуется категориями или конкретными выражениями, подсказанными ему следователем.

Вместе с тем не следует забывать, что помимо речевой информации в акте общения немалая роль принадлежит неречевой. Особенно это важно применительно к таким ситуациям допроса, которые в юридической науке называются конфликтными. В последних следователь и допрашиваемый стремятся к противоположным целям: следователь—к установлению истины, допрашиваемый —к ее сокрытию.

Специальное исследование, проведенное И. К. Шахриманьяном, В. А. Варламовым и В. В. Таракановым, показало следующее. В допросе наряду с передачей речевой информации следователь выдает также неречевую информацию. Последняя воспринимается допрашиваемым, перерабатывается им и возвращается следователю в виде изменения характера речевой информации. Может оказаться даже (и это не противоречит данным социальной психологии), что получатель и отправитель информации меняются местами.

Например, следователь на допросе Е. заметил, что, как только вопросы прямо или косвенно касаются изъятой у Е. при обыске чистой школьной тетради, допрашиваемый начинает проявлять беспокойство: облизывает губы, поправляет волосы. Кроме того, следователь заметил, что Е. особенно сосредоточенно наблюдает за его выражением лица именно в моменты, когда допрос касается тетради. Однако следователь, заметив это, воспринял неречевую информацию, исходившую от Е., но в то же время сам не выдал дополнительной неречевой информации⁵.

Допрос независимо от дела, по которому ведется расследование, и от степени участия в деле допрашиваемого, как уже говорилось, всегда проходит для допрашиваемого в состоянии эмоционального напряжения.

В состоянии эмоционального напряжения резко меняются основные характеристики речевого и неречевого поведения⁶.

Все это особенно важно подчеркнуть потому, что именно в этом звене сбора следственной информации практически невозможно обеспечить

контроль. Первичным документом следствия пока является протокол, и, если налицо нет очевидного расхождения в показаниях или прямых процессуальных нарушений, отмеченные здесь особенности допроса легко могут остаться незамеченными.

¹ Н. И. Г а в р и л о в а. Влияние внушения на формирование свидетельских показаний, автореф. канд. дисс., М., 1975.

² См. Бюллетень Верховного Суда СССР, 1958, № 2, с. 24; Бюллетень Верховного Суда СССР, 1959, № 3, с. 30 (цит. по: Л. Е. А р о ц к е р. Тактика и этика судебного допроса, М., 1969, с. 103).

³ Л. Е. Ароцкер, Тактика и этика судебного допроса, М., 1969, с. 78 и сл.

⁴ Там же, стр. 79.

⁵ К. Ш а х р и м а н ь я н, В. А. Варламов, В. В. Тараканов, Соотношение речевых и неречевых компонентов в деятельности следователя,— «Общая и прикладная психолингвистика», М, 1973.

⁶ Э. Л. Н о с е н к о. Особенности речи в состоянии эмоциональной напряженности, Днепропетровск, 1975.

Глава 7. СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕСТУПНОСТИ И ИССЛЕДОВАНИЕ РЕЧИ

Среди многих и разнообразных функций языка видное место занимает функция коммуникативная. Она, как и остальные функции, актуализуется в практике речевого общения, в значительной степени проявляясь в качестве регулятора социально-психологических норм. Социально-психологическая норма есть по сути проявление в деятельности социальных форм поведения. Социальные формы поведения организуют совместные действия людей. Принимая участие в совместном действии, каждый человек выполняет определенную социальную — конвенциональную роль. Конвенциональная роль определяется как «представление о предписанном шаблоне поведения, которое ожидается и требуется от человека в данной ситуации, если известна позиция, занимаемая им в совместном действии»¹.

В этом плане речевая деятельность тоже совместна и является одной из составляющих совместной деятельности —результативной и продуктивной. Экспектации (ожидания) других людей, значимых для человека (референтной группы, партнеров и т. п.), могут распространяться не только на предметную, практическую деятельность субъекта, но и на его речевую деятельность. Речевая деятельность в большой степени связана с самоосознанием, с представлением о себе как исполнителе определенной конвенциональной роли. Она подчинена самоконтролю и весьма организована. Самоконтроль предполагает: а) принятие роли, б) формирование поведения, в) коррекцию своего поведения в соответствии с возможными экспектациями партнеров.

Чаще всего самоконтроль направлен на «нормальное» исполнение роли. От социальной нормы в указанном смысле не отличается языковая норма². Поэтому признание или непризнание социальных норм может проявляться в признании или непризнании норм языковых.

Мы специально говорим о признании или непризнании норм, а не следовании или неследовании им потому, что предполагается именно осознанный отказ от следования норме и, следовательно, ее признания (внешне, во всяком случае).

В интересующем нас аспекте очень удобным материалом является противопоставление себя принятым нормам с помощью арго—особого тайного языка преступного мира.

Русское воровское арго (тайный язык), известное под названием «блатная музыка» или «блат», образовалось примерно на рубеже XVII—XVIII вв. из языка офеней — бродячих торговцев³. Язык этот, изменяясь и впитывая в себя элементы иноязычного происхождения, сохранился до наших дней.

Происхождение «блата» ясно. Он возник из потребности объясняться с товарищами в заключении и на воле на таком языке, который не был бы понятен окружающим. Этот язык выполнял две функции: коммуникативную и индикативную. Он служил средством передачи важной для данной группы информации, с тем чтобы никто из окружающих не понял содержания высказывания. Кроме того, «блат» был сигналом принадлежности к преступному миру, к определенной социальной группе: носитель этого языка сразу же опознавался как «свой» другими носителями арго.

Следует учитывать, что носители тайного языка всегда, как бы двуязычны—они владеют литературным (разговорным) языком и арготическим⁴. Фонетика и морфология арго не отличаются от литературного языка. Впрочем, фонетика, как правило, является не литературно нормативной, а скорее всегда диалектной. Однако этот вопрос заслуживает отдельного исследования и описания. Можно, однако, считать, что у арго есть только количественные отличия от литературного языка (изменяются значения некоторых слов, появляются новые слова и т. п.). Поэтому арго, в сущности, не является настоящим «языком», это профессиональная лексика, которая сродни профессиональной лексике музыкантов, моряков, сапожников и т. л.

В настоящее время функции «блата» изменились. Рост общей культуры — в том числе речевой — несомненно, сказался и на арго. Некоторая часть лексики тайного языка вышла из употребления, другую часть можно рассматривать уже не как специфические термины преступного мира, но как явления просторечия:

общий язык включил эти слова в свой состав, изменив их стилистическую окраску. Кроме того, с течением времени определенная часть арготической лексики «рассекретилась»: многие слова, бывшие ранее тайными, перестали таковыми быть и потеряли главное свое назначение—быть непонятными для посторонних.

Таким образом, изменилась главная—коммуникативная—функция арго. «Блат» перестал быть языком для посвященных, он уже не локализуется в узких социальных и профессиональных границах.

Также изменилась индикативная функция «блата». Далеко не всякий, кто его употребляет, тем самым принадлежит к уголовному миру или даже, не принадлежа к нему, хочет, однако, чтобы другие в это поверили.

До того как мы раскроем последний тезис, остановимся на вопросе о взаимоотношении в социально-психологическом плане арго и профессиональных языков. В последних встречаются образования двух видов: профессионализмы и термины. Профессионализмы иногда относят к жаргону профессий, отмечая их экспрессивный характер, которого термины лишены. Экспрессия объединяет Профессионализмы с арготизмами. Объединяет их также метафоричность, играющая большую роль в образовании обеих групп слов. Ср., например: «синхрофазотрон»—*кастрюля*, «негашеная известь»—*кипелка*, «стеклоочиститель» — *дворник*⁵.

Однако «профессиональные слова, служащие названиями предметов, явлений, процессов того или иного производства, присущи людям этой профессии, хотя могут быть присущи и другим людям»⁶. Слова, составляющие идеологический инвентарь арготизмов, как правило, за пределами узко ограниченной группы неизвестны.

В отличие от профессионализмов и арготизмов термины имеют очень узкий диапазон реальных, однозначны и адекватны обозначаемым понятиям. Они начисто лишены экспрессии, как правило, известны только специалистам. Кроме того, термины принадлежат литературному языку, а слова двух указанных групп — вне литературного языка⁷.

Вместе с тем «блат» обладает одной особенностью, резко отличающей его от терминов и профессионализмов. Арготизмы образуют синонимические ряды, иногда очень многоэлементные. Однако синонимическими эти ряды можно назвать только с некоторыми оговорками. Дело в том, что каждое слово такого ряда обозначает или ступень «иерархии», или тонко различающиеся виды какого-нибудь действия. Так, у слова *бить* зафиксировано 26 таких синонимов, у слова *украсть* — 16 (например, *торговать, работать, стырить, купить, сбандить, стибрить*, и т. д.⁸).

Можно говорить о некотором тезаурусе, словаре, идеологическом инвентаре группы, пользующейся «блатом». «Блат» в этом случае выступает как совокупность (микросистема) профессионально окрашенной лексики. В коммуникативной функции «блат» служит целям максимальной организации речевой деятельности. Вот почему, в частности, проблема использования «блата» для целей общения есть проблема его сознательного использования. Уместно в связи с этим отметить большую степень «речевой самокритики», отсутствие безразличия говорящего к автоматизированной речи. (Это наиболее часто встречающееся явление, однако могут быть случаи чисто автоматического «выскакивания» арготизмов — в силу привычки и т. п.) Это оказывается прямо противоположным тем закономерностям оценок речи, которые отмечаются для «нормы»⁹.

Мы уже отмечали «билингвизм» носителей арготизмов. Это обстоятельство важно для описания индикативной функции «блата». Поскольку арготирующие составляют, как правило, ограниченную группу, одним из показателей причастности к группе служит владение некоторым кодом, принятым в данной группе. Таким кодом и оказывается «блат». Носитель «блатного языка» мог опознаваться другими его носителями как «свой».

Важно отметить, что «блат» с момента своего возникновения был одним из средств социального противопоставления. Группа людей, пользующихся этим кодом, и в языке выражала свой протест против существующих норм поведения.

Теперь обратимся к несобственным функциям «блатного языка», исходя из анализа использования его в настоящее время людьми, не имеющими к нему никакого (в описанном выше смысле) отношения.

Использование специфических слов и выражений в речи людей, не имеющих к преступному миру никакого отношения, можно скорее всего объяснить интуитивным стремлением: а) избежать речевых штампов, б) обратить на себя внимание окружающих, выделить себя при помощи речи.

Чаще всего в наше время арготические слова и выражения используются подростками, причем отнюдь не профессиональными уголовниками. Особенно вторая причина характерна для употребления «блата» подростками, которым

стремление к самоутверждению вообще свойственно в большей степени, чем взрослым. Следует также учитывать, что у подростков менее регламентирован выбор норм поведения.

Там, где взрослый имеет определенные стереотипы поведения и выражения, подросток их не имеет, там, где взрослый из опыта знает, как себя вести, знает нужное слово или выражение, подросток лишь смутно чувствует, что нужно употребить какое-то иное выражение или повести себя как-то по-другому. Это выражается нередко в отрицании общепринятых норм, в том числе и речевых. В таких случаях как бы возникает «норма наоборот»—«блат» воспринимается как заведомая «не норма».

Интересно, что подростки владеют «блатом» лучше, полнее и шире, чем взрослые правонарушители. Более того, закоренелые преступники нередко говорят на хорошем литературном языке, не используют арготизмов и всячески их избегают, понимая, каков будет результат отражения в речи их принадлежности к преступному миру. Наряду с таким «негативным» употреблением «блата» следует учитывать, что в представлении подростков отсутствует отождествление арготических выражений с той деятельностью, которая в них фиксируется: арготизмы для них практически бессодержательно или связываются с такими особенностями жизни преступного мира, которые привлекательны для этого возраста — «романтикой», силой и ловкостью, находчивостью в опасных ситуациях и т. д. Большую роль играет здесь то, что вообще любые арготизмы обладают очень яркой экспрессивной окраской и в этом смысле очень агрессивны: желая избежать обычности, стандартности речи и в то же время не владея другими речевыми средствами, люди используют «блатную музыку».

В связи с этим особую роль приобретает раннее и достаточно полное формирование речевых навыков и умений—богатство словаря, умение правильно и уместно пользоваться выразительными средствами языка, развитое «чувство языка» и т. д. с детства воспитывают в ребенке иммунитет к таким явлениям, как «блат», снимают объективную потребность в нем как выразительном средстве, а в значительной мере и уравнивают интерес к нему. Не следует забывать, что в речевом воспитании ребенка и подростка участвуют не только близкие ему люди и школа, но и гораздо более широкий круг людей. Попадая в разные ситуации во дворе, на улице, в школе, ребенок (или подросток) попадает в разное речевое окружение. И не всегда за разъяснением непонятого слова он обращается к родителям или учителям. Часто интерпретаторами, толкователями непонятных слов и выражений выступают старшие (более опытные, в представлении ребенка) товарищи. Нередко это—люди, принадлежащие к преступному миру. Естественно, что обучение «блатной музыке» подводит подростка (с его стороны несознательно, а со стороны учителя, быть может, вполне сознательно) и к усвоению содержательной стороны понятий преступного мира. Овладение содержательной стороной «блата» приводит, в свою очередь, к деформации мировоззренческой структуры подростка, к отступлениям от норм поведения, в том числе и к правонарушениям.

Наконец, хотя «блат» и не является обычно признаком принадлежности к преступному миру, он иногда используется для демонстрации стремления войти в этот мир. Последний случай наиболее опасен и требует наибольшего внимания со стороны тех, кто призван заниматься воспитанием подростка.

В целом необходимо иметь в виду, что, хотя употребление «блата» в наше время совершенно не означает принадлежности к преступному миру или связи с ним, в большинстве случаев его употребление вызвано объективными причинами и может повлечь за собой совершенно определенные нежелательные последствия. «Блат» — сигнал о возможности правонарушения, и его систематическое употребление не может не вызвать интерес у юриста, занимающегося предупреждением преступности. Он совсем не безобидное явление, и школа, семья, общество в целом заинтересованы в его искоренении. Следует, однако, учесть, что это должно делаться умно и тактично, осторожно, как результат анализа порождающих «блат» объективных причин и без какого бы то ни было администрирования, которое обычно производит на подростков как раз обратное действие.

Рассмотрев те функции, в которых выступает «блат» в речи, мы можем отметить его социально-психологическое значение на уровне символизма. Можно думать, что это—одна из распространенных функций «блатной музыки», подробный анализ которой выходит за пределы настоящей работы и принадлежит социальной психологии речевого общения, той ее части, которая исследует социальный символизм в речевом поведении.

¹ Т. Шибутани. Социальная психология, пер. с англ., М., 1969, с. 132.

² См.: А. А. Леонтьев, Языковая норма как социальная норма,—«II Международный коллоквиум по социальной психологии. Тезисы докладов», Тбилиси, 1970.

³ В. Ф. Трахтенберг, Блатная музыка («жаргон» тюрьмы), СПб., 1908, с. 101—ПОЗ.

⁴ Б. А. Ларин, О лингвистическом изучении города, «Русская речь», вып. III, 1928, с. 61—64.

⁵ Развитие лексики современного русского языка. М., 1965, с. 82.

⁶ Там же.

⁷ Современный русский язык, ч. I. М., 1966, стр. 77 и сл.

⁸ Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка, М., 1970, с. 485.

⁹ Б. С. Шварцкопф, Проблемы индивидуальных и общественно-групповых оценок речи,— «Актуальные проблемы культуры речи», М., 1970.